

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

Возвращение короля

ДЖОН Р.Р. ТОЛКИН

Властелин Колец

Джон Толкин

Возвращение короля

«Издательство АСТ»

1955

Толкин Д. Р.

Возвращение короля / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1955 — (Властелин Колец)

ISBN 978-5-17-078922-1

Трилогия «Властелин Колец» бесспорно возглавляет список «культовых» книг XX века. Ее автор, Дж. Р.Р. Толкин, профессор Оксфордского университета, специалист по древнему и средневековому английскому языку, создал удивительный мир – Средиземье, который вот уже без малого пятьдесят лет неодолимо влечет к себе миллионы читателей. Великолепная кинотрилогия, снятая Питером Джексоном, в десятки раз увеличила ряды поклонников как Толкина, так и самого жанра героического фэнтези.

ISBN 978-5-17-078922-1

© Толкин Д. Р., 1955
© Издательство АСТ, 1955

Содержание

Книга 5	6
Глава I	6
Глава II	25
Глава III	38
Глава IV	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джон Рональд Руэл Толкин

Властелин Колец. Трилогия.

Том 3. Возвращение короля

© The Trustees of The J.R.R. Tolkien, 1967 Settlement, 1955, 1966

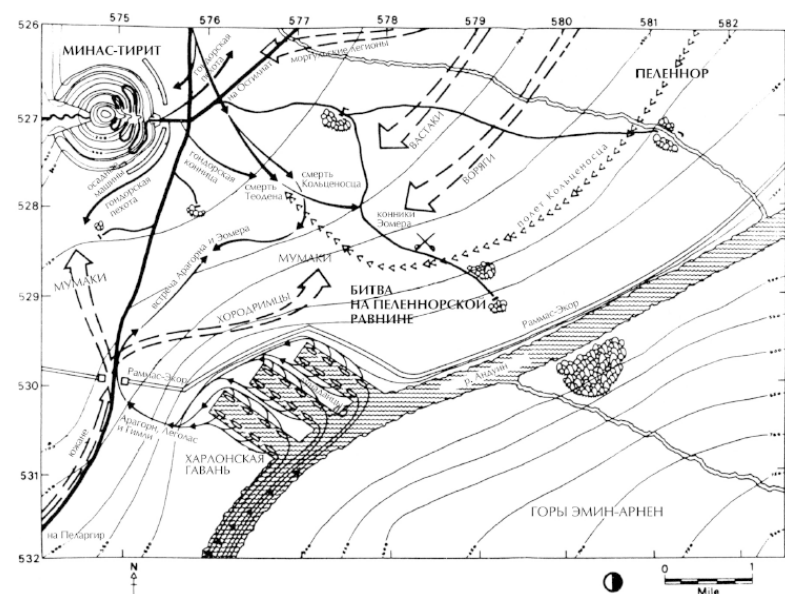
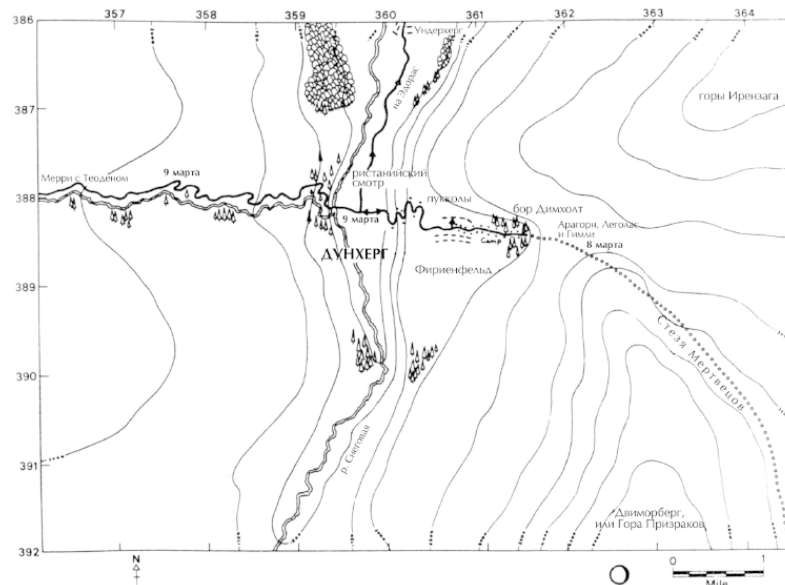
© Alan Lee illustrations, 1991

© Перевод. В. Муравьев, наследники, 2018

© Перевод. А. Кистяковский, наследники, 2018

© Перевод стихов. А. Кистяковский, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Книга 5

*Шесть тысяч копьеносцев
мчались через Санлендинг
К могучей твердыне Мундбург
у горы Миндоллуин,
К столице Государей, из-за Моря
приплывших,
Теперь осажденной врагами
и окруженной огнем.*

Глава I Минас-Тирит

Пин выглянул у Гэндальфа из-за пазухи – и не понял, проснулся он или спит по-прежнему, видит быстротечный сон, в который погрузился, когда Светозар ударил галопом. Пробегала мимо та же темень, и ветер гулко свистел в ушах. Виднелись одни лишь переливчатые звезды; справа заслоняли небеса темные громады. Он стал было сонно соображать, где они и сколько уже проехали, но память его мутилась и расплывалась.

Сперва, он помнил, мчались во весь опор; на рассвете блеснули тусклым золотом купола, и они приехали в какой-то тихий город, и огромный пустой дворец стоял на холме. Едва они там укрылись, как опять налетела крылатая тень, и люди растерялись от ужаса. Но потом Гэндальф с ним ласково говорил, а он спал где-то в уголочке, спал устало и беспокойно, и слышал сквозь сон, как ходили туда-сюда люди и Гэндальф отдавал приказы. А потом они снова мчались и мчались, скакали в ночи. Вторая это была – нет, уже третья ночь, как он заглянул в Камень. Он вспомнил этот ужас, вспомнил, проснулся и задрожал, а расшумевшийся ветер грозил на все голоса.

Небо вспыхнуло желтым сиянием из-за черных кряжей, а Пин съежился в комочек: куда это, в какие неведомые края завез его Гэндальф? Он протер глаза и увидел, что луна одолела восточные тени, почти что полная луна. Значит, ночь в самом начале, и долог еще путь под темным небом. Он шевельнулся и заговорил.

– Это мы где, Гэндальф? – спросил он.

– Заехали в пределы Гондора, – отвечал тот. – Пока что в Анориэне.

И дальше скакали молча, а потом Пин вскрикнул, дернув Гэндальфа за рукав:

– Смотри-ка, смотри! Огонь же, красный огонь! Тут что, драконы? А вон еще!

Вместо ответа Гэндальф воззвал к коню:

– Поспешим, Светозар! Близки последние сроки. Видишь, Гондор зажигает маяки, вестники бедствия. Война нагрянула. Вон зажегся Амон-Дин, вспыхнуло пламя на Эйленахе, и огни побежали к западу: Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Кэленхад, – а вот полыхнул Галифириэн у ристанийской границы!

Но Светозар перешел с галопа на шаг, поднял голову и звонко заржал. Послышалось ответное ржанье и перестук копыт: из темноты вынырнули три всадника, пронеслись на запад и исчезли, точно растаяли в лунном сиянии. А Светозар напрягся, прынул – и ночной ветер снова загудел в ушах.

Сквозь дремоту Пин краем уха слушал, что рассказывает Гэндальф о гондорских обычаях – о том, как наместник повелел воздвигнуть маяки по обоим отрогам горной цепи, а у маяков учредил подставы, где всегда держат наготове сменных лошадей для гонцов, отправленных на север, в Ристанию, или на юг, в Бельфалас.

– Давно уж северные маяки не зажигались, – сказал он, – а прежде-то Гондору в них и нужды не было, хватало Семи Каменьев.

Пин вздрогнул и заерзал.

– Спи себе, не пугайся! – велел ему Гэндальф. – Это Фродо надо идти в Мордор, а ты едешь в Минас-Тирит, в надежнейшую крепость: нынче надежней нигде нету. Если уж Гондор не устоит, если Враг завладеет Кольцом, то и в Хоббитании не укроешься.

– Хорош утешитель, – спросонья выговорил Пин. Но, и засыпая, все же увидел осиянные луной белые вершины, плывущие над облаками. И подумал: а где же все-таки Фродо, может, он уже в Мордоре или его в живых нет; откуда ему было знать, что тогда-то и Фродо глядел издалика на ту же самую предрассветную луну.

Голоса разбудили Пина. Вот и еще сутки прочь: день в укрытии, ночь на коне. Светало, стелился холодный туман. Поблескивали потные бока Светозара, но в горделивой его осанке не было ни признака усталости. Кругом стояли высокие люди в плащах до пят, а за ними виднелась полуразрушенная стена, которую, должно быть, поспешно отстраивали, и в этот ранний предрассветный час отовсюду слышался стук молотков, скрежет лопат и скрип колес. В мутной мгле пылали факелы, горели светильники. Гэндальф разговаривал с теми, кто преграждал им путь, и Пин, прислушавшись, понял, что речь идет о нем.

– Да нет, ты-то ладно, Митрандир, – говорил Главный, – тебя мы знаем. А ты знаешь заветные слова, и Семь Врат открыты перед тобой. Езжай себе. Но вот спутник твой – он кто? Гном, что ли, с северных гор? Нам, как бы сказать, нынче ни к чему чужестранцы, разве что придет мощная подмога – из тех, кого мы опять-таки знаем и кому верим.

– Я поручусь за него перед престолом Денэтора, – отвечал Гэндальф. – И не судите о нем по росту. Если хочешь знать, Ингольд, так и битв, и опасностей ему выпало на долю куда больше твоего, хоть он и вдвое тебя меньше; мы с ним приехали от Изенгарда, вы еще услышите, что там было. Устал он очень, а то бы я его разбудил. Зовут его Перегрин, и не всякий из вас равен доблестью этому мужу.

– Этому мужу? – изумился Ингольд, и остальные рассмеялись.

– Какому еще мужу! – воскликнул Пин, совсем проснувшись. – Скажет тоже, мужу! Я никакой не муж, а хоббит, и вовсе не доблестный, разве что иной раз не сплоховал. Чего вам Гэндальф голову морочит!

– Такие слова и впрямь под стать доблестному мужу, – задумчиво проговорил Ингольд. – А хоббит – это кто?

– Хоббит – это невысоклик, – объяснил Гэндальф. – Нет-нет, – прибавил он, окинув взглядом изумленные лица, – прорицанье было не о нем. Это не тот, но один из них.

– Хоть и не тот, но его спутник, – заявил Пин. – И Боромир из вашего города тоже был с нами, он спас меня в северных снегах, и как раз меня он защищал и отбивался от целого полчища, когда его застрелили.

– Будет! – вмешался Гэндальф. – Эту скорбную весть должен прежде услышать отец Боромира.

– Скорбная весть предугадана, – сказал Ингольд, – ибо недавно были диковинные знаменья. Езжайте же, спешите! Свидетелю участи наследника престола Минас-Тирита нет задержки – будь то человек или...

– Или хоббит, – закончил Пин. – Мало проку от моего свидетельства, я могу лишь пове-
дать вашему властителю о доблести Боромира, я у него в долгу.

– Добро пожаловать! – сказал Ингольд, и люди расступились перед Светозаром: в стене был узкий проход. – Подай Денэтору и всем нам мудрый совет, Митрандир! – крикнул он вслед. – А то ведь говорят, будто ты не советчик, а горевестник, ибо вести твои всегда скорбные и грозные!

– Потому что являюсь я в години бедствий, – отозвался Гэндальф, – являюсь, когда нужна моя помощь. Вам же совет мой таков: поздно уже чинить пеленнорскую стену. Буря вот-
вот налетит, и надейтесь лишь на свою стойкость, а выстоите – будет вам и иная надежда. Не
все мои вести – скорбные. Отложите лопаты и точите мечи!

– Да мы к вечеру управимся, – возразил Ингольд. – Стена вся отстроена, только здесь и осталось: мы же не ждем врагов со стороны Ристании. А что ристанийцы? Как думаешь, откликнутся, прискачут на зов?

– Прискачут, дайте срок. Пока что они заслонили вас от удара в спину. Ждите врагов отовсюду, с любой стороны, днем и ночью! Когда б не Гэндальф-горевестник, на вас бы сей-
час обрушились вражьи полчища из разгромленной Ристании. И почему знать, что еще будет.
Прощайте и глядите в оба!

И Гэндальф выехал на раздолье за Раммас-Экором – так называли гондорцы дальние укрепления, воздвигнутые, когда враг захватил Итилию. Десять с лишним лиг тянулись они от северных горных отрогов к южным, вокруг Пеленнорских пажитей – богатых, пышных угодий на пологом правом берегу Андуина. На северо-востоке от стены до Великих Врат было дальше всего – лиги четыре. Здесь Минас-Тирит отгородился от приречных низин могучей крепью, и недаром: сюда, к заставе с двумя сторожевыми башнями, вела меж стен по насыпи большая дорога от бродов и мостов Остилиата. А на юго-востоке стена отстояла от города всего лишь на лигу, минуя Эмин-Арнен – Королевскую Гряду на том берегу, в южной Итили, – Андуин круто сворачивал к западу, и укрепления высились над берегом Реки, над пристанями Хар-
лондской гавани, где швартовались корабли и барки с подвластных Гондору андуинских низо-
вий и с приморья.

Изобильны были городские окрестности: тучные пашни и фруктовые сады, усадьбы с житницами и сушильнями, овчарнями и коровниками; в зелени струились с гор к Анду-
ину бесчисленные речушки. Правда, земледельцев и скотоводов было здесь немного: большей
частью гондорцы обитали в своем семистенном граде, или же по высокогорным долинам Лос-
сарнаха, или еще дальше к югу, в прекрасном Лебеннине, который орошают пять буйных пото-
ков. Суровые жители южных предгорий считались исконными гондорцами, хоть и были они –
приземистые и смуглые – потомками неизвестного племени, поселившегося там в незапамятные
века, еще до того, как Морем приплыли короли. И многолюдна была южная окраина Гондора –
Бельфалас, где правил родовитый князь Имраиль; замок его Дол-Амрот стоял у самого Моря.
Тамошние уроженцы были рослые, статные, сероглазые.

...Они ехали, и небо светлело; Пин привстал и огляделся. Слева стелилась мгла, сгущаясь
в темень на востоке, а справа уходила на запад горная цепь, такая обрывистая, точно при сотво-
рении мира могучая Река обрезала и отодвинула ее, образовав широкую долину, ристалище
грядущих битв. И, выступая из тени, возникла перед ними, как и обещал Гэндальф, крайняя
вершина – гигант Миндоллуин, изборожденный лиловыми рубцами, обративший к рассвету
белеющее взлобье. На его уступе, как на огромном выставленном колене, воздвигся Несокру-
шимый Град, могучая и древняя семистенная крепость – казалось, и не построенная, а изва-
янная сказочными исполинами из тверди земной.

Пин изумленно смотрел, как серые стены белели и розовели с рассветом; потом солнце вдруг выглянуло из сумрака и ярко озарило каменный лик города. И Пин вскрикнул, ибо над верхней стеной засверкала в небесах жемчужным блеском Эктелионова башня, и шпиль ее сиял, словно хрустальный; белые стяги реяли на утреннем ветру, и высоко-высоко серебряными голосами запели трубы.

Так, с первыми лучами солнца, Гэндальф и Перегрин подъехали к Великим Вратам столицы Гондора, и чугунные створы раскрылись перед ними.

– Митрандир! Митрандир! – восклицали стражи. – Значит, буря вот-вот налетит!

– Она уже налетела, – объявил Гэндальф. – Я примчался на ее крылах. Дорогу! Я тороплюсь к вашему повелителю Денэтору, куда он еще государит. Будь что будет, но прежнему Гондору уж не бывать. Дорогу, сказал я!

Стража послушно расступилась; не спросили ни о чем, хотя изумленно взирали на хоббита, восседавшего впереди, и на великолепного коня. Лошадей тут видывали редко, а если уж всадник проезжал по улице – значит, спешил с неотложным государевым поручением. И поплыла молва: «Этот конь не иначе как от самого ристанийского конунга! Может статься, мустангримцы не замедлят с подмогой?» А Светозар, горделиво вскинув голову, двинулся наверх длинным извилистым путем.

Ибо в семь ярусов был выстроен Минас-Тирит, врезан в гору на семи уровнях и окружен семью стенами. Нижние Великие Врата внешней стены обращены были на восток, следующие – на четверть окружности к югу, третьи – на столько же к северу, и так до седьмых ворот. Мощный подъем к цитадели сворачивал то налево, то направо – и, проходя над Великими Вратами, всякий раз пронизывал сводчатым туннелем исполинскую скалу, разделявшую надвое все ярусы, кроме первого. Прихотью изначального творения, довершенной трудами древних мастеров, скала, которая вздымалась за нижней площадью, была устремлена к востоку, точно корабельный форштевень. И с парапета седьмой стены можно было, как с палубы, увидеть на семисотфутовой глубине Великие Врата. Подобно им, глядели на восток ворота цитадели; к ним поднимался сквозь толщу скалы длинный проход, озаренный светильниками. И не было из города иного пути к Вышнему двору и Фонтанной площади у стройной Белой Башни в пятьдесят сажен высоту; на шпилье ее, в тысяче футов над равниной, развевалось знамя наместников Гондора.

Воистину неприступна была эта крепость, не по зубам никакому супостату, доколе оставались у нее защитники; разве что враги зашли бы с тыла и взобрались по кручам Миндоллуина к узкому перешейку между горой и крепостью на высоте пятой стены. Но перешеек был надежно укреплен и огражден по краю западного ущелья; а в пустынной седловине, в склепах и усыпальницах, покоились прежние властители Гондора, князья и наместники.

Пин никак не мог надивиться на огромный белокаменный град: такого, думал он, и во сне не увидишь, что там Изенгард перед этой могучей твердыней! Да и по красоте не сравнить. На самом же деле город хирел год от года, и народу обитало здесь вполосину меньше прежнего, а и прежде было не тесно. Что ни улица, проезжали они мимо дворцов и хором, где над дверями и арками ворот были искусно высечены древние рунические надписи – как догадывался Пин, имена и прозвания бывших владельцев; но теперь там царила тишина, никто не всходил по широким ступеням, ничей голос не раздавался в опустелых покоях, ничье лицо не являлось в ослепших окнах.

Наконец они выехали из туннеля к седьмым воротам, и теплое солнце, сиявшее из-за Реки, озарявшее Фродо в перелесках Итили, засверкало на гладких стенах и мощных колоннах, и ярко блеснул замковый камень большой арки: изваяние главы в короне. Гэндальф спешил, ибо всадников в цитадель не пускали, и Светозар по тихому слову хозяина позволил увести себя прочь.

Стражи у ворот были в черных плащах и причудливых шлемах с венцами и тесными наланитниками, украшенными сверху светлыми крылами чаек; шлемы лучились ясным блеском, ибо отковали их из *мифрила* в давние дни могущества Гондора. На плащах было выткано дерево в белоснежном цвету, а над ним – серебряная корона и звездная россыпь. Это облачение дружинников Элэндила во всем Гондоре носили одни лишь стражи цитадели, охранявшие Фонтанный Двор, где некогда росло Белое Дерево.

Здесь им почему-то вовсе не удивились, а молча пропустили без всяких расспросов, и Гэндальф быстро зашагал по белым плитам двора. Поодаль на ярко-зеленом лугу искрился фонтан в лучах утреннего солнца, и поникло над водой иссохшее дерево, скорбно роняя капли с голых обломков ветвей в прозрачное озерцо.

Поспешая за Гэндальфом, Пин оглянулся на дерево и подумал, какое оно печальное и как странно, что оно торчит здесь – а кругом все так ухожено.

Семь звезд, семь камней и белое дерево.

Он припомнил эти слова, которые бормотал Гэндальф, и вслед за ним очутился на крыльце сверкающей башни, миновал безмолвных стражей и вступил под высокие своды, в гулкую полутьму. Они шли по длинному пустому залу, и Гэндальф тихо наставлял Пина:

– Держи язык на привязи, сударь мой Перегрин! Сейчас не время для хоббитских прибауток. Это тебе не добродушный старец Теоден. Денэтор – человек совсем иного склада, гордый и хитроумный, высокородный и могущественный властитель, хоть князем и не именуется. Говорить он будет больше с тобой, чем со мной, и выпросит тебя обо всем, что ты знаешь о сыне его Боромире. Он очень – пожалуй, даже слишком – любил старшего сына, любил еще и потому, что тот был ни в чем на него не похож. Но любовь не помешает ему взять тебя в оборот – смотри не проболтайся! Не говори ничего лишнего, а пуще всего помалкивай о поручении Фродо. Об этом я скажу в свое время. И постарайся как можно реже упоминать об Арагорне.

– А почему? Бродяжник-то чем плох? – шепотом возмутился Пин. – Он ведь сюда и шел? Да он все равно же явится за нами следом!

– Явиться-то он явится, – подтвердил Гэндальф. – Но явится оттуда, откуда его никто не ждет, даже Денэтор. Вот пусть и не ждет, так оно лучше. И не пристало нам возвещать его приход.

Гэндальф остановился перед высокими дверями, облицованными вороненой сталью.

– У меня, любезнейший Пин, и минуты лишней нет, чтобы вдалбливать тебе историю Гондора; лучше бы ты ее поучил, чем разорять гнезда и гонять лодыря в хоббитанских лесах. Слушай, что тебе говорят! И посуди сам: очень это будет кстати – принести властителю весть о гибели его наследника и заодно сообщить, что, мол, власти твоей конец, вот-вот явится законный Государь? Уразумел?

– Госуда-арь? – изумился Пин.

– Да, – отрезал Гэндальф. – Хватит тебе уже хлопать ушами, возмись-ка за ум!

И он постучал в двери.

Двери растворились словно бы сами собой, и Пин увидел огромный чертог с узкими стрельчатыми окнами по обеим сторонам, за черномраморными колоннадами. Пышные капители украшали узорная листва и диковинные звериные морды; высокий мозаичный свод отличал тусклым золотом. Ни занавесей, ни гобеленов, ни деревянной утвари; меж колонн застыли суровые изваяния.

Они напоминали андуинских Каменных Гигантов, и не без трепета Пин окинул взглядом длинные ряды статуй давным-давно умерших Государей Гондора. В дальнем конце чертога, на многоступенчатом возвышении, стоял трон под мраморным навесом в виде увенчанного короной шлема, а позади поблескивал самоцветами стенной горельеф – дерево в цвету. Но трон был пуст. На широкой нижней ступени в незатейливом черном каменном кресле сидел, опустив взор, древний старец. В руке он держал белый жезл с золотым набалдашником. Он не взглянул им навстречу, и они медленно приблизились; остановившись шага за три от подножной скамейки, Гэндальф молвил:

– Привет тебе, властитель и наместник Минас-Тирита, Денэтор, сын Эктелиона! В этот роковой час я принес тебе вести и готов подать совет.

Старец поднял голову. Пин увидел строгое и надменное точеное лицо, длинный нос с горбинкой и запавшие темные глаза; и вовсе не Боромир вспомнился ему, а скорее Арагорн.

– Час поистине роковой, – отозвался старец, – твой излюбленный час, Митрандир. Да, судя по всему, Гондор на краю бездны, однако сейчас мне мое горе горше общей судьбины. Говорят, ты привез свидетеля гибели моего сына. Это он и есть?

– Да, это он и есть, – подтвердил Гэндальф. – Их было двое, свидетелей. Другой – с Теоденом Ристанийским; может, еще и явится. Оба невысоклики, но прорицанье было не о них.

– О них или нет, но самое слово это, – угрюмо сказал Денэтор, – язвит мой слух с тех пор, как Совет наш смутило темное прорицанье и Боромир очертя голову кинулся неведь куда, навстречу своей гибели. О сын мой, как худо нам без тебя! Фарамира надо было отправить.

– Фарамир и вызывался, – возразил Гэндальф. – Горюешь – горюй, но и в горе будь справедлив. Боромир сам пожелал идти и настоял на своем. Властный и своевольный, он прекословья не терпел. Много лиг я прошел с ним бок о бок, и мне довелось его распознать. Ты, однако же, упомянул о его гибели. Стало быть, тебя уже оповестили об этом?

– Вот оно – оповещение, – молвил Денэтор, отложив жезл и поднявши с колен в обеих руках обломки турьего рога, оправленного серебром.

– Это же рог Боромира, он его всегда носил! – воскликнул Пин.

– Верно, – сказал Денэтор. – А прежде я носил его, как всякий старший сын в нашем роду еще со времен последнего князя, когда Ворондил, отец наместника Мардила, охотился на диких быков Араува в дальних рунских степях. Тринадцать дней назад я расслышал его смутный зов от северных пределов княжества, и вот Великая Река принесла мне осколки рога:

больше уж он не затрубит. – Денэтор умолк, и настала тяжкая тишина. Но вдруг он вперил взор в Пина. – Что скажешь на это ты, невысоклик?

– Тринадцать, тринадцать дней назад, – залепетал тот. – Пожалуй что и так, правда тринадцать. И я был рядом с ним, когда он трубил в рог. Но подмога не явилась. Только орки набежали.

– Вот оно как, – протянул Денэтор, пристально глядя в лицо Пину. – Ты был рядом с ним? Расскажи, расскажи! Почему же не явилась подмога? И как случилось, что ты спасся, а он погиб, он, могучий витязь, не одолел оркскую погань?

Пин вспыхнул и позабыл робость.

– Величайшего витязя можно убить одной стрелой, – сказал он, – а Боромира пронзили едва ли не десятью. Помню, как он, прислонившись к дереву, выдергивал из груди черноперую стрелу. А потом я упал без сознания, и меня взяли в плен. Больше я его не видел, больше ничего не знаю. Но память его мне дорога и доблесть памятна. Он погиб, спасая нас – меня и друга моего, родича Мериадока: нас подстерегли в лесу солдаты Черного Властелина; и пусть он погиб и не выручил нас, я все равно благодарен ему до конца жизни.

Пин поглядел в глаза властительному старцу и сам вдруг загордился, обиженный презрительным, высокомерным голосом.

– И то сказать, что там какой-то хоббит у трона повелителя людей; подумаешь, невысоклик из северной Хоббитании – ну и пожалуйста, а я все равно плачу мой долг: примите мою жизнь.

Пин откинул полу плаща, извлек меч из ножен и положил его к ногам Денэтора.

Бледная улыбка, словно луч холодного солнца, зимою блеснувшего ввечеру, озарила лицо старика; он склонил голову и протянул руку, отложив обломки рога.

– Дай мне твое оружие! – сказал он.

Пин поднял меч и протянул его вперед рукоятью.

– Откуда он у тебя? – спросил Денэтор. – Давным-давно был он откован. Тысячу лет назад, а клинок нашей северной ковки, так ли, невысоклик?

– Он из могильников к северу от нашей страны, – сказал Пин. – Там, в могильниках, теперь одни только умертвия, и я о них говорить лучше не буду.

– Да ты, я вижу, нагляделся чудес на своем недолгом веку, – покачал головой Денэтор, – недаром говорится, что человека сразу не разглядишь – а невысоклика тем более. Что ж, принимаю твою жизнь. Ты за словом в карман не лезешь, а говоришь учтиво, хоть и необычно, не по-нашему звучит твоя речь. Учтивые, а паче того преданные приближенные нам очень нужны будут в грядущие дни. Итак, приноси клятву!

– Возьми меч за рукоять, – сказал Гэндальф, – и повторяй клятву за своим государем, коль уж ты принял решение.

– Я принял решение, – подтвердил Пин.

Старец возложил меч себе на колени, Пин взялся за рукоять и размеренно повторил вслед за Денэтором:

– Сим присягаю верно служить Гондору и государю наместнику великого княжества, клянусь по слову его молвить и молчать, исполнять и пресекать, являться и уходить – в годину изобилия или нужды, мира или войны, в радостный или же смертный час, отныне и навечно, ежели государь мой не отрешит меня от клятвы, или смерть меня от нее не избавит, или же не рухнет мироздание. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, невысоклик из Хоббитании.

– Слушаю и принимаю клятву я, Денэтор, сын Эктелиона, наместник Великого Князя, властелин Гондора, и не забуду клятвы твоей; да будет ей в награждение: любовь за верность, почести за доблесть и расплата за клятвопреступление.

И Пин принял свой меч и вложил его в ножны.

– Так вот, – сказал Денэтор, – слушай первое мое веление: говори без утайки! Расскажи все, как было, и не утай ничего о сыне моем Боромире. Садись и начинай рассказ!

С этими словами он ударил в серебряный гонг возле подножной скамейки, и выступили из ниш по обе стороны дверей прежде незримые служители.

– Принесите вина, еды и сиденья для гостей, – распорядился Денэтор, – и пусть целый час никто нас не тревожит... Больше часа я не смогу вам уделить, – сказал он Гэндальфу. – Меня ждут неотложные дела – однако же ладно, немного подождут. С тобой-то мы еще, наверно, поговорим ближе к вечеру.

– Надеюсь, даже раньше, – отозвался Гэндальф. – Я ведь не затем скакал сюда от Изенгарда, вперегонки с ветром, чтобы доставить тебе нового, необычайно учтливового и, паче того, преданного служителя. А что Теоден победил в смертельной битве, что Изенгард низвергнут, что я преломил жезл Сарумана – эти вести для тебя не важны?

– Важны, разумеется. Но я уже знаю обо всем этом – знаю достаточно, столько, сколько надо, дабы по-прежнему противостоять угрозе с востока.

Он обратил свои темные глаза на Гэндальфа, и Пин заметил сходство двух властительных старцев и почуял их обоюдную неприязнь: взоры их были точно тлеющие уголья, готовые вот-вот полыхнуть пламенем.

И Денэтор был с виду куда больше похож на могучего чародея, нежели Гэндальф: величавее, горделивее, благообразнее – и старше. Однако же вопреки зрению иным чувством Пин ощущал, что Гэндальф и могущественнее, и мудрее, а истинное величие его до поры сокрыто. И он древнее, намного древнее. «А сколько же ему правда лет?» – подумал Пин и удивился: почему-то такой вопрос ему никогда на ум не приходил. Чего-то там Древень толковал насчет магов, но это было словно бы и не про Гэндальфа. Кто же такой Гэндальф, на самом-то деле? Когда, в какие незапамятные времена явился он в Средиземье, когда суждено ему покинуть этот мир? Очнувшись от раздумий, Пин увидел, что Денэтор с Гэндальфом по-прежнему смотрят друг на друга, будто читают в глазах. Первым отвел взгляд Денэтор.

– Да, да, – сказал он, – хотя Зрячих Камней, говорят, больше нет на свете, однако властителям Гондора зоркости по-прежнему не занимать, и многими путями доходят до них вести. Но садитесь же!

Поставили кресло, скамеечку и столик, принесли на подносе чеканный серебряный кувшин с кубками и белые хлебцы. Пин присел, не сводя глаз с престарелого наместника. То ли ему показалось, то ли правда, упомянув о Камнях, Денэтор искоса сверкнул на него взглядом?

– Ну что ж, рассказывай, верноподданный мой, – с милостивой усмешкой молвил Денэтор. – Ибо поистине дорого для меня каждое слово того, с кем был столь дружен мой сын.

Пин запомнил навеки этот долгий час в пустынном чертоге под пронзительным оком наместника Гондора, который непрестанно задавал ему трудные, опасные вопросы; а рядом к тому же был Гэндальф, он смотрел, слушал и (Пина не обманешь) еле сдерживал гнев и нетерпенье.

Час наконец истек, Денэтор ударил в гонг, и Пин был еле живой. «Да ведь еще не больше девяти, – подумал он. – Эх, съесть бы сейчас три, что ли, завтрака!»

– Отведите гостя нашего Митрандира в жилище, уготованное для него, – велел Денэтор, – вместе с его спутником, если тот пожелает покамест оставаться с ним. Да будет, однако же, известно, что он теперь у меня в услужении: зовется он Перегрин, сын Паладина, скажите ему первые пропуски. И передайте военачальникам – пусть ожидают меня у дверей на исходе третьего часа.

И ты, государь мой Митрандир, прибуди к этому часу, а впредь являйся, когда тебе угодно. Во всякое время тебя пропустят ко мне, кроме кратких часов моего сна. Не гневись на стариковскую дурость и приходи утешить меня!

– На стариковскую дурость? – переспросил Гэндальф. – Нет, государь, из ума ты не выжил, для тебя это было бы смерти подобно. Как хитро заслоняешься ты своим горем! Думаешь, я не понял, почему ты целый час расспрашивал свидетеля, которому известно куда меньше моего?

– Вот и хорошо, если понял, – заметил Денэтор. – Безрассуден гордец, пренебрегающий в трудный час помощью и советом; но ты помогаешь и советуешь лишь со своим потаенным умыслом. А властелину Гондора негоже служить чужим целям, сколь угодно достойным. И нынче нет в этом мире цели превыше спасения Гондора, а Гондором правлю я, и никто иной, доколе не явится его законнейший повелитель.

– Законнейший, говоришь, повелитель доколе не явится? – подхватил Гэндальф. – Именно так, государь мой наместник, ты поистине призван сберечь доверенное тебе княжество в ожидание неведомых сроков. И в этом деле ты получишь всякую помощь, какой пожелаешь. Но я скажу тебе вот что: я не правитель Гондора и не властвую иными краями, ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире я в ответе за все, что достойно спасения. И коль уж на то пошло, пусть даже Гондор падет, я исполню свой долг, если, когда схлынет мрак, уцелеет хоть что-то от земной красоты, если будут для кого-то расти цветы и вызревать плоды. Ведь я тоже наместник. Этого ты не знал?

Он повернулся и удалился из чертога, а Пин бежал рядом.

По дороге Гэндальф ни разу не взглянул на Пина, ни словом с ним не обмолвился. Их проводили к дверям и через Фонтанный Двор в проулок, стесненный высокими каменными строениями. Они свернули несколько раз и очутились перед домом у северной стены цитадели, неподалеку от перешейка. Широкая мраморная лестница вела на второй этаж: они вошли в светлый и просторный покой. Солнце струилось сквозь золотистые занавеси. Мебели всего и было что столик, два стула и скамейка, да по обеим сторонам, в нишах, застеленные кровати, а возле них кувшины с водой и умывальные тазы. Три узких высоких окна выходили на север, и в дальней дали, за подернутой туманом излучиной Андуина, виднелось, должно быть, Привражье, а еще дальше – водопады Рэроса. Пин взобрался на скамью, а то подоконник мешал смотреть.

– Гэндальф, ты на меня, что ли, сердись? – спросил он, когда за их провожатым затворилась дверь. – Я очень старался.

– Старался, старался! – вдруг рассмеявшись, сказал Гэндальф; он подошел к окну, стал рядом с Пином и обнял его за плечи.

Пин удивленно заглянул ему в лицо: он ли это смеялся так весело и беспечно? Нет, не может быть: вид у старого мага был горестный и озабоченный, и, лишь взглядевшись, Пин почуял за этим великую радость – такое сокрытое веселье, что, пожалуй, выплеснись оно наружу, расхохоталось бы и целое царство.

– Да, – сказал маг, – ты и правда старался, и, надеюсь, не скоро ты снова попадешь в такой переплет – малютка меж двух устрашающих старцев. Но как ты ни старался, Пин, а властитель Гондора вытянул из тебя больше, чем ты полагаешь. Ты же не смог утаить, что вовсе не Боромир вел ваш Отряд от Мории, а некий знатный витязь, который направлялся в Минас-Тирит, и при нем был прославленный меч. В Гондоре памятны предания дней былых, а Денэтор, провозжая мыслью Боромира, немало раздумывал над прорицанием и доискивался до смысла слов «Проклятие Исилдура».

Он вообще не чета нынешним людям, Пин: случилось так, что если не по крови, то по духу он – истый потомок нуменорцев; таков же и младший сын его Фарамир, в отличие от Боро-

мира, хоть тот и был любимцем. Он прозорлив. Он умеет распознавать людей, даже и заочно. Провести его нелегко, лучше не пробуй.

Так что держись, ты накрепко связан клятвой. Не знаю, как это взбрело тебе на ум, – наверно, сердце подсказало. Но это было ко времени, да и нельзя гасить благородный порыв трезвым остережением. Ты его тронул, а пожалуй что, и польстил ему. Во всяком случае, ты волен теперь разгуливать по Минас-Тириту, когда позволит служба. А служба отнюдь не всегда позволит: ты теперь его подданный и он о тебе не забудет. Будь осмотрительнее!

Он смолк и вздохнул.

– Что проку загадывать на завтра? День ото дня будет все страшнее, и ничего предотвратить я не могу. Игра идет, фигуры движутся. Вот только не видно одной из главных фигур – Фарамира, теперешнего наследника Денэтора. Должно быть, в городе его нет, но мне и спрашивать-то было некогда и не у кого. Мне надо идти, Пин, на совет военачальников и там разузнать все, что можно. Игру ведет Враг, и он себя ждать не заставит. И пешки играют наравне с фигурами: увидишь сам, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи свой клинок!

В дверях Гэндальф обернулся.

– Я спешу, Пин, – сказал он. – У меня к тебе просьба. Надеюсь, ты не очень устал, но все равно погоди отдыхать, сперва сходи проведай Светозара, как его там поместили. Его, конечно, не обидят, народ здесь понятливый и добрый, но к лошадям непривычный.

С этими словами Гэндальф вышел, и звонко ударил колокол на цитадельной башне. Чистый серебряный звон прозвучал трижды: три часа минуло с восхода солнца.

Пин спустился по лестнице, вышел на улицу и огляделся. Тепло и ясно сияло солнце; башни и высокие дома отбрасывали на запад длинные четкие тени. В лазури высился белый пик одетого снегами Миндоллуина. Ратники проходили по улицам – наверно, сменялись на часах.

– По-нашему сейчас девять утра, – вслух сказал Пин сам себе. – Весна, солнышко – сиди да завтракай у открытого окна. А что, позавтракать куда как не мешало бы и здесь! Да нет, эти-то уж небось поели. А когда они обедают, интересно, и где?

По узкой улочке от Фонтанного Двора навстречу шел человек в черно-белом, и Пин решил с горя обратиться хотя бы к нему, но тот и сам подошел.

– Ты – невысоклик Перегрин? – осведомился он. – Мне сказали, что ты присягнул на верность нашему государю и державе. Здравствуй! – Он протянул руку, и Пин пожал ее. – Меня зовут Берегонд, сын Боранора. Нынче утром я свободен, и меня послали сообщить тебе пропуска и рассказать обо всем, что тебе должно и дозволено знать. Я тоже надеюсь узнать от тебя о многом, ибо прежде невысокликов в наших краях не бывало, мы лишь краем уха слышали про них. К тому же ты – приятель Митрандира. А с ним ты хорошо знаком?

– Да как сказать, – отозвался Пин. – За глаза-то я с ним знаком от колыбели, хоть это и недолго; а теперь довелось вот постранствовать вместе. Вроде как из большой книги читал страницу-другую. И однако же мало таких, кто знаком с ним лучше. Из нашего отряда, пожалуй, только Арагорн знал его по-настоящему.

– Арагорн? – переспросил Берегонд. – А кто он такой?

– Ну, – Пин замялся, – ну, был с нами один такой человек. По-моему, он сейчас в Ристании.

– Да, я слышал, что ты прямиком из Ристании. И о ней тоже я хотел бы тебя порасспросить: надежды у нас мало, но какая есть, почти вся на ристанийцев. Впрочем, мне ведь поручено первым делом ответить на твои вопросы. Спрашивай, сударь мой Перегрин!

– Дело в том, – отважился Пин, – что у меня сейчас, по правде говоря, один вопрос на языке вертится – как насчет завтрака или там подзакусить? Ну, то есть когда у вас вообще едят, где, положим, харчевня: есть, наверное, где-нибудь? Или трактир, может, какой? Я что-то по дороге ни одного не заметил, а уж так надеялся с устатку хлебнуть пивка – не в глушь ведь заехал, а в город, да еще какой!

Берегонд сурово взглянул на него.

– Сразу виден бывалый солдат, – сказал он. – Говорят, солдат в походе только и думает, где ему доведется поесть-попить следующий раз: знаю понаслышке, сам я в дальних походах не бывал. Так у тебя, значит, сегодня еще маковой росинки во рту не было?

– Ну, из учтивости можно сказать, что была, – признался Пин. – Выпил я кубок вина и съел пару хлебцев: ваш государь нас угощал, но зато же и допрашивал меня битый час, тут поневоле проголодаешься.

Берегонд рассмеялся.

– Как у нас говорится, и малорослый едок за столом витязь. Ты, однако ж, утолил утренний голод не хуже любого стража цитадели, да еще и с немалым почетом. Мы же в крепости, мы ее охраняем, а время военное. Встаем до зари, перекусываем на рассвете и расходимся по своим постам. Погоди отчаиваться! – опять-таки со смехом воскликнул он, заметив унылую гримасу на лице Пина. – Кому пришлось труднее прочих, тем можно утром и лишний раз подкрепиться. Потом – полдничаем, кто в полдень, кто попозже, а главная общая трапеза, какое ни на есть застолье – в закатный час или около того. Пойдем! Пройдемся немного, что-нибудь да раздобудем, устроимся на парапете, будем есть-пить и любоваться: вон утро какое выдалось.

– Погодите-ка! – краснея, сказал Пин. – От жадности или от голода – думайте, как хотите, – но я совсем было позабыл вот о чем. Гэндальф, по-вашему Митрандир, просил меня провести его коня Светозара, лучшего скакуна Ристании, любимца конунга – хоть он и подарил его Митрандир в награду за великие заслуги. Митрандир в нем души не чает, и если в городе вашем чтут нового хозяина Светозара, то окружите коня почетом и заботой – словом, будьте к нему, если можно, добрей, чем к голодному хоббиту.

– К хоббиту? – переспросил Берегонд.

– Да, так мы себя называем, – сказал Пин.

– Спасибо, буду знать, – сказал Берегонд. – Пока же замечу, что у чужестранца иной раз не худо поучиться учтивости и у хоббита – красноречию. Пойдем же! Ты познакомишь меня с этим дивным конем. Я люблю животных, – правда, здесь, в нашей каменной твердыне, мы их редко видим; но мои-то предки жили в горных долинах, а прежде того в Итили. Не вешай нос, мы только наведемся – и оттуда сразу в кладовую.

Светозара устроили на славу – в отличных конюшнях на шестом ярусе за стенами цитадели, возле жилища для государевых гонцов, которых всегда держали наготове на случай неотложных поручений Денэтора или высших военачальников. Сейчас ни в стойлах не было лошадей, ни в жилище – гонцов: всех разослали.

Светозар встретил Пина ржанием и повернул к нему голову.

– Доброе утро! – сказал Пин. – Гэндальф, как сможет, придет: его задержали. Он шлет тебе привет, а мне велено узнать, всем ли ты доволен, хорошо ли отдыхается после многотрудного пути.

Светозар встряхнул гривой и топнул копытом. Берегонду он, однако же, позволил потрепать себя по холке и огладить могучие бока.

– Да он, можно подумать, застоялся, а не отдыхает после многотрудного пути, – сказал Берегонд. – Что за богатырская статья! А где его сбруя? Вот уж, наверно, богатая и пышная!

– Нет такой богатой и пышной, чтоб ему подошла, – отвечал Пин. – Да и к чему она? Если седок ему по нраву – никакая сбруя не нужна, а если нет – не помогут ни седло, ни подпруги, ни узда, ни удила. До свиданья, Светозар! Потерпи немного, скоро в битву.

Светозар воздел голову и заржал так, что содрогнулась конюшня, а они заткнули уши. И удалились, подсыпав зерна в ясли.

– Теперь пойдем к нашим яслям, – сказал Берегонд; они с Пином вернулись в цитадель, подошли к северным дверям башни и спустились по длинной прохладной лестнице в широкий коридор со светильниками. В ряду низеньких дверей по правую руку одна была открыта. – Это наша ротная кладовая и раздаточная, – сказал Берегонд. – Привет, Таргон! – крикнул он в дверь. – Рановато вроде, но со мной тут новобранец, принят по приказу государя. Он изголодался в долгом пути, и нынче утром ему несладко пришлось. Сыщи уж там какой ни на есть снеди!

Им дали хлеба, масла, сыра и яблок, запасенных осенью – сморщенных, но душистых и сладких, – дали кожаную флягу свежего пива, деревянные миски и кубки. Все это они сложили в корзину и выбрались наверх, на солнышко. Берегонд повел Пина к восточному выступу парапета, где под бойницей была каменная скамья. Далеко видны были озаренные утренним светом просторы.

Они ели, пили и разговаривали о Гондоре, о здешних делах и обычаях, потом о Хоббитании и прочих неведомых здесь краях, которые Пину привелось повидать. Они говорили, а Берегонд изумлялся все больше и больше и все растеряннее смотрел на хоббита, который то сидел на скамье, болтая короткими ножками, то вставал на цыпочки и выглядывал в бойницу.

– Не скрою от тебя, сударь мой Перегрин, – молвил Берегонд, – что ты показался мне с виду ни дать ни взять девятилетним мальчишкой, а ты между тем столько претерпел опасностей и столько навиделся чудес, что хватило бы и нашему седобородому старцу. Я-то подумал, что нашему государю угодно было обзавестись пажом, какие бывали, говорят, в старину у королей. Но теперь вижу, что дело обстоит совсем иначе, и ты уж не взыщи за глупость мою.

– Чего там, – сказал Пин. – Да ты не так уж и ошибся. По-нашему-то я сущий мальчишка и «войду в возраст», как говорят у нас в Хоббитании, только через четыре года. И вообще не обо мне речь. Давай лучше показывай и объясняй.

Солнце уже поднялось высоко, и туманы в низине рассеялись. Последние клочья рваными облаками проносились в небе, и на резком, порывистом восточном ветру бились и трепетали белые стяги цитадели. За пять лиг от них и дальше, сколько хватал глаз, серела и блистала огромная излучина Великой Реки, выгнутая к востоку с северо-запада; устремляясь затем на юг, Река терялась в зыблущейся дымке, а до Моря оставалось еще добрых пятьдесят лиг.

Весь Пеленнор был виден как на ладони: россыпь огражденных усадеб, амбаров, коровников, хотя нигде не паслись ни коровы, ни другой скот. Вдоль и поперек пересекали зеленые пажити большие и малые дороги, и вереницы повозок тянулись к Великим Вратам, а оттуда навстречу им катила повозка за повозкой. Изредка подъезжали вскачь верховые, спешили и торопились в город. Поток от ворот направлялся по тракту, который круто сворачивал на юг и, уходя от извива реки, вскоре исчезал из виду у горных подножий. Тракт был просторный, гладко вымощенный; за восточной его обочиной вдоль дамбы проходила широкая зеленая дорожка для верховых. По ней мчались туда и сюда всадники, а тракт, казалось, был запружен людским месивом. Потом Пин пригляделся и увидел, что на тракте царил строгий порядок:

там двигались в три ряда – один быстрее, конские упряжки; другой помедленнее – воловьи, с громоздкими разноцветными фургонами; и у западной обочины, медленнее всех – люди, впрягшиеся в тележки.

– Уходят в долины Тумладена и Лоссарнаха, в горные селенья или еще дальше – в Лебеннин, – сказал Берегонд. – Старики и женщины с детьми; это последние обозы. К полудню надо, чтобы на целую лигу дорога от города была свободна. Таков приказ, а что поделаешь! – Он вздохнул. – Не многие встретятся из тех, что разлучились. Детей у нас тут всегда было мало-вато, а теперь остались только мальчишки постарше, которых и силком не вывезешь, – вроде моего сына; ну ладно, может, на что и сгодятся.

Они помолчали. Пин тревожно глядел на восток, будто ожидая, что оттуда вот-вот появятся черные полчища орков.

– А там что? – спросил он, указывая на средину огромной излучины Андуина. – Там другой город, да?

– Был там другой город, – отвечал Берегонд, – столица Гондора; наш-то Минас-Тирит – всего-навсего сторожевая крепость. Там, за Андуином, развалины Оспиата, который давным-давно захватили и сожгли враги. Мы, правда, отбили его у них, когда еще Денэтор был молодой, но обживать не стали, а сделали там передовую заставу и отстроили мост, чтобы перебрасывать подкрепления. Но из Минас-Моргула нагрянули Лютые Всадники.

– Черные Всадники? – переспросил Пин, широко раскрыв потемневшие глаза: ему припомнились давнишние ужасы.

– Да, они были черные, – подтвердил Берегонд, – и я вижу, ты знаешь их не только понаслышке, хоть и не упоминал об этом в своих рассказах.

– Нет, не понаслышке, – тихо откликнулся Пин, – только я сейчас лучше не буду говорить о них, а то близко, уж очень близко тут...

Он осекся и поглядел за реку: там простерлась необъятная и зловещая черная тень. Может, это замыкали оком темные горы, щербатые гребни которых расплылись в туманной дали, а может, стеной склублились тучи, и за ними чернел непроглядный мрак. И казалось, этот мрак на глазах расплзался и разрастался, медленно и неотвратно заполняя солнечные просторы.

– Близко от Мордора? – спокойно закончил Берегонд. – Да, он тут недалеко. Называть его мы избегаем, но живем, сколько себя помню, в его сумрачной тени: она то редет и отдалается, то сгущается и нависает. Сейчас она чернее черного и разрослась – оттого и мы в страхе и тревоге. А Лютые Всадники – они год назад или около того обрушились на переправу, и много там погибло лучших наших воинов. Тогда Боромир отогнал их и освободил западный берег – до сих пор мы удерживаем почти половину Оспиата. Пока удерживаем. Но они со дня на день снова нагрянут. Там, наверно, война и начнется, оттуда будет главный удар.

– А когда начнется? – спросил Пин. – Думаешь, со дня на день? Я ночью видел, как зажигались маяки и вестники скакали: Гэндальф сказал – это, мол, знак, что война началась. Он спешил, как на пожар. А теперь снова вроде как тихо.

– У Врага все готово – вот и тихо, – сказал Берегонд. – Как, представь себе, ныряльщик воздуху в грудь набирает.

– Маяки-то почему вчера зажгли?

– Поздновато было бы слать за помощью, когда уж тебя обложили, – усмехнулся Берегонд. – Я, правда, не знаю, как там рассудил государь и прочие начальники. К ним стекаются все вести. А наш властитель Денэтор видит дальше других, видит и недоступное взору. По ночам он, говорят, восходит на башню, сидит там в верхнем покое и проникает мыслью в грядущее; иногда он даже прозревает замыслы Врага и схватывается с ним. Потому-то он так и постарел прежде времени. Ну, и к тому же Фарамира послали в набег за Реку: может, от него прибыл вестник.

Но я так думаю, что маяки зажгли после вчерашних вестей из Лебеннина. Умбарские пираты скопили в устьях Андуина огромный флот. Они давно уж не боятся Гондора и стакнулись с Врагом, а теперь и выступили с ним заодно. Для нас это страшный удар: не жди, значит, особой подмоги из Лебеннина и Бельфаласа, не придут многие тысячи опытных воинов. Нам только и остается, что мечтать о северной, ристанийской подмоге и радоваться твоим известиям о тамошних победах.

Однако же, – он помедлил, встал и повел взглядом с севера на восток и на юг, – после изенгардского предательства стало яснее ясного, что сеть сплетена громадная и раскинута широко. Бои на переправе, набег из Итили и Анориэна, засады, стычки – это все было так, прощупыванье. А теперь начинается подготовленная война – и вовсе не только против нас, что тут важничать, – война великая, всемирная. Говорят, неладно на востоке, за Внутренним Морем; в Лихолесье и на севере тоже худые дела; тем более – на юге, в Хороде. Нынче у всех одна судьбина, Тень нависла надо всеми – и либо выстоять, либо сгинуť.

Но нам, сударь Перегрин, и правда честь особая, нас Черный Властелин ненавидит пуще всех остальных – с незапамятных пор, от заморских времен. Очень он крепко по нам ударит. Потому-то и Митрандир прискакал сюда во весь опор. Ведь если мы сгинем, то кто выстоит? Как полагаешь, сударь Перегрин, выстоим, есть надежда?

Пин не ответил. Он поглядел на мощные стены, на гордые башни и реющие стяги, на солнце высоко в небе, а потом на восток, на ползучий сумрак, и вспомнил о всепроникающей Тени, об орках, кишящих в лесах и на горах, об изенгардской измене, о птицах-соглядатаях, о Черных Всадниках, разъезжающих по Хоббитании, и о крылатом страшилище, о назгуле. Дрожь охватила его, и всякая надежда пропала. В этот миг померкло солнце, словно заслоненное черным крылом. И ему послышался из поднебесных далей жуткий вопль – глухой, неистовый и леденящий. Он съехался и прижался к стене.

– В чем дело? – спросил Берегонд. – Тоже что-то почуял?

– Д-да, – выговорил Пин. – Кажется, мы погибли, а это – роковой знак, Лютый Всадник в небесах.

– Да, роковой знак, – подтвердил Берегонд. – Видно, Минас-Тирит обречен. Ночь будет непроглядная. У меня аж кровь в жилах стынет.

Они сидели понурившись и молчали. Потом Пин вскинул глаза и увидел, что солнце сияет, как прежде, и стяги полощутся на ветру. Он встряхнулся.

– Миновало, – сказал он. – Нет, я еще все-таки не отчаялся. Гэндальф, казалось, погиб, а вот вернулся и теперь с нами. Пусть даже и на одной ноге, а все-таки выстоим; на худой конец выстоим и на коленях!

– Вот это верно! – воскликнул Берегонд, поднявшись и расхаживая взад-вперед. – Нет уж, оно хоть и все когда-нибудь прахом пойдет, но Гондор покамест уцелеет. Ну, возьмут Минас-Тирит, навалив трупья вровень со стенами, так ведь есть еще и другие крепости! Есть тайные ходы и горные убежища. И надежду сбережем, и память – не здесь, так где-нибудь в зеленой укромной ложбине.

– Да ладно, лишь бы скорее хоть как-нибудь все это кончилось, – вздохнул Пин. – Какой из меня воин, я и думать-то боюсь о сраженьях, а уж думать, что вот-вот придется сражаться, – это хуже некуда. Ох и длинный же нынче день, и ведь он еще только начался! Ну что бы нам не цепенеть и медлить, а ударить первыми! В Ристании небось тоже бы ждали-ждали, кабы не Гэндальф.

– Э, да ты на большую мозоль наступил! – усмехнулся Берегонд. – Погоди, погоди, вот вернется Фарамир. Он храбрец, каких мало, настоящий храбрец, хоть у нас и думают, что ежели кто умудрен не по летам и знает наперечет старинные песни и сказанья, то он, дескать, и воин никудышный, и воевода курам на смех. Это про Фарамира-то! Да, он не такой, как Боромир, не такой отчаянный рубака, но решимости у него на двоих хватит. Только вот решаться-то на что? Не штурмовать же эти... эти вон ихние горы! Силы не те, ну и ждем, пока нападут. А уж тогда поглядим! – И он хлопнул по рукояти длинного меча.

Пин взглянул на него: высокий, горделивый, как все здешние; и глаза блестят, не терпится в сечу. «Меня-то куда несет? – горько подумал он и смолчал. – Вот еще выискался меченосец! Как Гэндальф говорит – пешка? Ну да, пешка, только не на своем месте».

Так они разговаривали, а тем временем солнце вошло в зенит, грянули колокола, и ожилилась цитадель: все, кроме часовых, отправились трапезовать.

– Ну что, пошли? – предложил Берегонд. – Пока чего – побудешь с нами. Мало ли куда тебя потом определят; может, будешь состоять при государе. А пока давай приходи. И приводи с собой кого захочешь.

– Да я-то приду, – сказал Пин. – Только приводить мне с собой некого. Лучший мой друг остался в Ристании, мне и поговорить не с кем, не с кем и пошутить. Может, и правда мне к вам? Ты ведь начальник, возьми меня к себе, замолви словечко, а?

– Нет, нет, – рассмеялся Берегонд. – Никакой я не начальник. Я всего-навсего рядовой третьей роты крепостной охраны. Однако же, сударь мой Перегрин, крепостная стража у нас в большом почете, не только в городе, но и повсюду.

– Ну и будьте в почете, – отмахнулся Пин. – А меня покамест отведи-ка обратно, и ежели Гэндальфа там нет, то я, пожалуйста, куда хотите – ваш почетный гость.

Гэндальфа не было, вестей от него тоже, и Берегонд повел Пина знакомиться с третьей ротой. Пина так привечали, что и Берегонда чуть не на руках носили. А в крепости уже пошли разговоры насчет спутника Митрандира, как они втроем с властителем беседовали битый час; и само собой придумалось, что с севера явился невысоклицкий князь, ведет на подмогу Гондору пять тысяч клинков. Говорили, что вот прискачут ристанийские конники, а у каждого за спиной воин-невысоклик, доблестный-предоблестный, даром что малорослый.

Пин смущенно опровергал эти обнадеживающие рассказы, но от новообетенного княжеского титула отделаться никак не мог: как же не князь – и с Боромиром был в дружбе, и Денэтор его обласкал. Его благодарили, что он изволил пожаловать, ловили каждое его слово, расспрашивали о дальних краях, щедро потчевали пивом и нехитрой снедью. А Пин изо всех сил старался следовать совету Гэндальфа – «быть осмотрительным» и не распускать язык на хоббитский манер.

Наконец Берегонд поднялся.

– Ну, пока до свидания! – сказал он. – Я до заката на часах, все прочие вроде бы тоже. А ты, чтоб не скучать одному, возьми себе провожатого повеселее – да хоть моего сына, то-то он обрадуется! Он паренек неплохой. Если надумаешь – спускайся в нижний ярус, спросишь там, как пройти к Старой гостинице на Рат-Келердайн, Улице Фонарщиков. И найдешь его – он с ребятами, какие остались в городе. Ступайте с ним к Великим Вратам, там будет на что посмотреть.

С этими словами он удалился; вскоре разошлись и остальные. Было по-прежнему солнечно, но в воздухе стояла дымка, и парило не по-мартовски: конечно, юг, а все же слишком. Пина клонило ко сну, возвращаться в пустое жилье не хотелось, и он решил прогуляться по городу. Он прихватил кой-какие лакомые кусочки для Светозара; тот снизошел к его приношению, хотя, по всему виду, был сыт. И Пин отправился вниз извилистым путем.

Все встречные глазели на него и вслед ему – торжественно приветствовали, как принято в Гондоре, склоняя голову и прижимая обе ладони к сердцу, а потом за спиной слышались возгласы: выходите, мол, посмотреть, вот он невысоклицкий князь, спутник Митрандира! Кричали одно и то же на всеобщем и на незнакомом языке, Пин сообразил, что по-здешнему его величают «Эрнил-и-Ферианнат», – похоже, этот нелепый титул пристал к нему крепко.

Он потерял счет сквозным аркам, мощеным проулкам, ровным улицам и наконец спустился в самый пространный первый ярус. Там ему показали, где Улица Фонарщиков, широкая, ведущая к Великим Вратам. Он отыскал Старую гостиницу, серое обветренное каменное строение о двух флигелях; узкая лужайка тянулась перед многооконным домом с колоннадой и крыльцом. Между колоннами играли мальчишки, и Пин остановился поглядеть на них: покамест он нигде в Минас-Тирите детей не видел. Вскоре один из них его заметил, с криком бежал по ступеням на траву и выскочил на улицу; целая ватага мчалась за ним. Он стал перед Пином и обмерил его взглядом.

– Привет! – сказал парнишка. – А ты откуда такой? Вроде нездешний.

– Вообще-то нездешний, – признал Пин, – но теперь уж я гондорский воин.

– Ладно тебе! – рассмеялся тот. – Тогда мы все здесь воины. Тебе сколько лет и как тебя зовут? Мне уже десять, а ростом я скоро буду в пять футов. Я и сейчас-то выше тебя. Ну, правда, отец у меня страж цитадели и почти самый из них высокий. А твой кто отец?

– На какой вопрос тебе сперва ответить? – спросил Пин. – Отец мой – земледelec из деревни Беляки, что возле Кролов в Хоббитании. Мне скоро двадцать девять: тут я тебя обогнал. А росту во мне четыре фута, и больше я уж не вырасту, разве что вширь раздамся.

– Двадцать девять! – протянул паренек и присвистнул. – Да ты, значит, уже старый, прямо как мой дядя Иорлас. Только я все равно, – задорно прибавил он, – если захочу, поставлю тебя вверх тормашками или положу на лопатки.

– Может, поставишь, а может, и положишь, – смеясь, подтвердил Пин, – но только если я этого захочу. А может, я сам тебя поставлю да положу: мы в наших краях тоже не дураки подрасться. И у нас, знаешь ли, я считаюсь очень даже большим и сильным, так что меня покуда никто не пробовал поставить вверх тормашками. Если ты вдруг попробуешь, то мне, чего доброго, придется тебя укокошить. Вот подрастешь – и не будешь опрометчиво судить по внешности: тебе небось показалось, что перед тобой этакий увалень-недомерок, которого неплохо бы вздуть; а на самом-то деле я ужасный, злющий, кровожадный невысоклик! – И Пин скроил такую страшную рожу, что парнишка попятился, но тут же прынул вперед, сжав кулаки и сверкнув глазами. – Ну, ну! – захохотал Пин. – Опять-таки опрометчиво верить чужакам на слово, мало ли что они о себе скажут! Нет, я не кровожадный. А ты, чем задираться, сначала бы назвался – вежливей будет.

Мальчик горделиво выпрямился.

– Я – Бергил, сын стража цитадели Берегонда, – сказал он.

– Оно и видно, – кивнул Пин, – ты вылитый отец. А я как раз от него.

– Чего ж ты сразу не сказал? – И Бергил вдруг приуныл. – Он, что ли, передумал и хочет меня отослать с девчонками? Не может быть, уже ушел последний обоз!

– Погоди пугаться, все не так страшно, – сказал Пин. – Пока что тебе велено не ставить меня вверх тормашками, а составить мне компанию и показать ваш город. А я зато расскажу тебе про далекие страны.

Бергил обрадованно захлопал в ладоши.

– Все, значит, в порядке, ура! – воскликнул он. – Тогда пошли! Мы как раз собирались к Вратам, побежали туда!

– А зачем туда бежать?

– Да ведь сегодня еще до захода солнца должны подойти союзные дружины! Пошли, пошли, сам все увидишь.

Бергил оказался парень хоть куда, а Пину без Мерри ох как не хватало приятеля; они мигом сдружились, болтали и перешучивались наперебой, шли по улицам рука об руку и никакого внимания не обращали на любопытные взгляды со всех сторон. Народ толпой валил к Великим Вратам; Пин назвал и сказал пропуск, а часовой пропустил их обоих, к полному восхищению Бергила.

– Вот это да! – сказал он. – А то ведь нам больше не позволяют выходить за ворота без взрослых. Ну, теперь наглядимся!

Люди стояли по обочинам тракта и заполнили огромную мощеную площадь, где сходились воедино дороги к Минас-Тириту. Все глядели на юг, и вскоре послышались возгласы:

– Пыль, пыль на дороге! Идут!

Пин с Бергилем исхитрились протиснуться в первые ряды. Невдалеке запели рога, и, словно встречный ветер, поднялся приветственный гул. Потом грянули трубы, и толпа разразилась дружным кличем.

– Форлонг! Форлонг! – услышал Пин.

– Это что значит? – спросил он.

– Ну как, это же старина Форлонг, Брюхан Форлонг из Лоссарнаха! – отозвался Бергил. – Там мой дед живет. Ура! Вон он сам, наш первейший друг, старина Форлонг!

Колонну возглавлял плечистый и утробистый седобородый старик на могучем коне, в кольчуге и черном шлеме, с огромным копьём. За ним гордо выступали запыленные пешие ратники, пониже ростом и смуглее гондорцев из Минас-Тирита. Лица их были суровы, на плече тяжелые бердыши.

– Форлонг! – кричали кругом. – Верный, доблестный друг! Ура, Форлонг!

Но когда лоссарнахские воины прошли, раздался ропот:

– Как мало их, всего две сотни! А мы-то надеялись, что будет тысячи две. Должно быть, пираты на них насаждают: девять десятых остались обороняться. Ну что ж, у нас каждый боец на счету.

Так проходила к Вратам под клики толпы рать за ратью: окраины Гондора послали своих сынов в грозный час на выручку столице. Но все прислали меньше, чем здесь надеялись, куда меньше, чем надо бы. Прошагали уроженцы долины Рингло во главе с тамошним княжичем Дерворином: триста человек. С Мортхондского нагорья, из Темноводной долины – статный

Дуингир с сыновьями Дуилином и Деруфином и пятьсот лучников. С Анфаласа, с далекой Береговины – длинная вереница охотников, пастухов, поселян, вооруженных чем попало; лишь их правитель Голасгил с домочадцами были при боевом доспехе. Десяток-другой угрюмых горцев без предводителя – из Ламедона. Рыбаки с Этхира, от устьев Андуина – сотня с лишним, другие остались на кораблях. Гирлуин Белокурый с Изумрудных Холмов Пиннат-Гелина привел три сотни крепких ратников в зеленом. И наконец, горделивей всех, – Имраиль, владетель Дол-Амрота, родич самого наместника: золотистые стяги с изображением Корабля и Серебряного Лебедя реяли над конною дружиной; за всадниками на серых конях выступали в пешем строю семьсот витязей, статных, сероглазых и темноволосых, – они прошли с песней.

Вот и все, и трех тысяч не набралось. А больше ждать было некого. Возгласы, песни и мерная поступь стихли за Вратами. Толпа еще немного помедлила, не расходясь. Пыль повисла в воздухе: ветер улегся и стояла духота. Наступил закатный час; багровое солнце скрылось за Миндоллуином. Вечерняя тень пала на столицу Гондора.

Пин поднял взгляд и увидел грязно-серое небо, будто над ними нависла дымная, пепельная туча, и еле пробивался сквозь нее сумеречный свет. Только запад еще пламенел, и черная громада Миндоллуина, казалось, была осыпана тлеющими головнями и угольями.

– Так ясно начался день и так мрачно кончается! – проговорил он, забыв о мальчишке рядом с ним.

– Кончится еще мрачнее, коли не поспеем до сигнальных колоколов, – отозвался Бергил. – Пойдем-ка, пойдем! Слышишь, трубят, сейчас закрывать будут!

Они вернулись в город последними; Врата за ними сразу же закрыли, и, когда они шли по Улице Фонарщиков, башенные колокола торжественно перекликались. Теплились окна; из домов и казарм у крепостной стены доносилось пение.

– Ладно, расходимся, – сказал Бергил. – Передай привет отцу, скажи: спасибо, мол, приятель что надо. Ты приходи завтра пораньше. Может, даже лучше, чтоб войны не было, мы бы и без нее обошлись. Съездили бы к дедушке в Лоссарнах, там весной знаешь как здорово, в лесу и на полях полно цветов. Нет, правда, вот возьмем и съездим. Где им одолеть нашего государя, и отец мой их всех перебьет. До скорого свидания!

Они расстались, и Пин заторопился обратно в цитадель. Путь был неблизкий, он вспотел и вконец оголодал. Сгустилась темная и душная беззвездная ночь. К вечерней трапезе он, конечно, опоздал, но его все ж таки накормили, Берегонд ему обрадовался, уселся рядом и расспрашивал про сына. Наевшись, Пин немного отдохнул и попрощался: очень ему было не по себе, хотелось скорее увидеть Гэндальфа.

– Сам-то найдешь дорогу? – спросил его Берегонд, выведя к северной стене цитадели, к скамье, на которой они сидели днем. – Ночь хоть глаз выколи, а приказано всюду гасить огни, фонарей на стенах не зажигать. Тебе же велено рано поутру явиться к властителю Денэтору. Да, вряд ли тебя припишут к нашей третьей роте. Ну что ж, придется – так свидимся. Прощай, покойной ночи!

В покое было темно, лишь ночник горел на столике. Гэндальф не приходил, и Пину было все тоскливее. Он взобрался на скамейку и выглянул в окно, точно ткнулся носом в чернильную лужу. Он уныло слез, опустил штору и отправился спать. Сначала лежал и прислушивался, ждал Гэндальфа, потом кое-как уснул.

Среди ночи его разбудил свет: Гэндальф явился и расхаживал взад-вперед – тень его металась по занавеске. На столе горели свечи и лежали свитки. Маг вздохнул, и Пин расслышал его бормотанье:

– Да что же это до сих пор нет Фарамира?

– Э-гей! – позвал Пин, раздвинув постельные занавеси. – Я уж думал, ты обо мне вообще позабыл. Спасибо хоть вернулся. Ну и длинный нынче выдался день!

– Ночь зато будет короткая, – отрезал Гэндальф. – Я затем и вернулся, чтобы поразмыслить без помех. А ты давай спи: скоро ли еще доведется поспать в постели. На рассвете нам с тобой надо к Денэтору. Да и не на рассвете, а когда позовут. Навалилась темнота, и рассвета не будет.

Глава II

Шествие серой дружины

Гэндальф ускакал, и уже стих в ночи стук копыт Светозара, когда Мерри прибежал обратно к Арагорну с легоньким узелком: вещевой мешок его остался в Парт-Галене, и все свои нынешние пожитки он выловил или подобрал на развалинах Изенгарда. Хазуфел был оседлан, Леголас и Гимли стояли подле своего коня.

– Четверо, значит, остались из нашего Отряда, – сказал Арагорн. – Ну что ж, вчетвером так вчетвером – только не одни, а вместе с конунгом, он сейчас выезжает. Крылатая тень его встревожила, и он хочет укрыться в горах еще до утренней зари.

– Укрыться в горах, а потом? – спросил Леголас.

– А потом – не знаю, – задумчиво отвечал Арагорн. – Конунг-то поедет в Эдорас, там он через четыре дня назначил войсковой сбор. Там его, вероятно, настигнут недобрые вести, и оттуда ристанийцы поспешат к Минас-Тириту. Не знаю – это я не про них, а про себя и про тех, кто пойдет за мною...

– Я пойду за тобою! – воскликнул Леголас.

– И я не отстану! – подхватил Гимли.

– Да нет, не так все просто, – сказал Арагорн. – Глаза мне застилает мрак. Вроде бы и мне нужно в Минас-Тирит, только другой, неведомой дорогой. Верно, близится урочный час.

– Вы меня-то прихватите! – попросил Мерри. – Я понимаю, толку от меня покамест не было, и все равно – не бросать же меня, как поклажу: лежи, мол, коли не надобна! Ведь конникам ристанийским я уж и вовсе не нужен, хотя, правда, конунг обещал, что усадит меня за трапезой рядом с собою, а я буду рассказывать ему про Хоббитанию.

– Да, Мерри, – сказал Арагорн, – вот тебе с ним, пожалуй что, по пути. Только не очень-то надейся на отдых и трапезу. Боюсь, не скоро воссядет Теоден на троне у себя в Медусельде! Многим надеждам суждено увянуть в эту горестную весну.

Вскоре двадцать четыре всадника – Гимли сидел за Леголасом, Мерри перед Арагорном – помчались сквозь ночную темень. Едва они миновали курганы у Изенских бродов, как прискакал конник из замыкающих.

– Государь, – сказал он конунгу, – за нами погоня. Я их учуял, еще когда мы подошли к реке. Теперь точно нагонят, скачут вовсю.

Теоден приказал остановиться. Конники развернулись и взялись за копы. Арагорн спешился, опустил Мерри наземь и, обнажив меч, стал у стремени конунга. Эомер с оруженосцем поскакали подтягивать задних. Мерри лишний раз подумал, что он как есть ненужная поклажа, вот сейчас будет сеча, а ему что делать? Всего-то их горсточка, всех перебьют, а он, положим, как-нибудь улизнет в темноте – и что же, шататься потом по диким, бескрайним ристанийским степям? «Нет уж», – решил он, обнажая меч и затянув пояс.

Луна заходила, ее заслоняло огромное летучее облако, но, вдруг открывшись, она засияла вновь. И тут они услышали топот, и со стороны переправы возникли, надвигаясь, темные фигуры всадников. Лунный свет поблескивал на жалах копий. Еще не видно было, сколько их там, но уж наверняка не меньше, чем в свите конунга.

Когда они приблизились шагов на пятьдесят, Эомер громко крикнул:

– Стой! Стой! Кто разъезжает в Ристании?

Погоня вмиг застыла на месте. В тишине один из всадников спешил и медленно двинулся вперед. Он поднял руку в знак мира, ладонь белела в лунном свете. Но ристанийцы держали копыя наперевес. Шагов за десять от них он остановился: высокая черная тень точно вырастала из земли. И прозвучал ясный голос:

– В Ристании? Ты сказал – в Ристании? Мы это рады слышать. Мы издалека торопились в Ристанию.

– Теперь торопиться вам некуда, – объявил Эомер. – Переехавши броды, вы на ристанийской земле: здесь властвует конунг Теоден и лишь с его позволения можно здесь разъезжать. Кто ты такой? И почему вы торопились?

– Я – Гальбарад Дунадан, северный Следопыт, – отвечал тот. – Мы ищем Арагорна, сына Арахорна: мы прослышали, будто он в Ристании.

– И вы его отыскиали! – воскликнул Арагорн. Он кинул поводья Мерри, выбежал вперед, и они обнялись с пришельцем. – Ты ли это, Гальбарад! Вот уж нечаянная радость!

Мерри облегченно вздохнул. Он-то был уверен, что это недобитый Саруман исхитрился перехватить конунга с малой свитой; но, видно, если и придется сложить голову, защищая Теодена, то не сейчас, а когда-нибудь потом. Он сунул меч в ножны.

– Все в порядке, – сказал Арагорн, воротившись. – Это мои родичи, они из дальнего края, где я прожил многие годы. Гальбарад скажет нам, почему они вдруг явились и сколько их тут.

– Нас тридцать, – сказал Гальбарад. – Все наши, кого удалось скликнуть, да еще братья Элладан и Элроир: они едут на брань вместе с нами. А мы собрались в путь сразу же, едва получили твой вызов.

– Вызов? – переспросил Арагорн. – Я взывал к вам лишь в мыслях. Думал я о вас, правда, часто, и нынче даже больше обычного; но вызова послать не мог. Впрочем, это все потом. Мы в опасности, медлить нельзя. Скачем вместе, если позволит конунг.

– В добрый час! – молвил обрадованный Теоден. – Если твои родичи под стать тебе, государь мой Арагорн, то тридцать таких витязей – это целое войско!

Поскакали дальше; Арагорн ехал с дунаданцами, и, когда они обменялись новостями с севера и с юга, Элроир сказал ему:

– Отец мой велел передать тебе: *Каждый час на счету*. Если рискуешь опоздать, вспомни о Стезе Мертвецов.

– У меня всегда был каждый час на счету, – сказал Арагорн, – и вечно их не хватало. Но велик должен быть риск опоздать, чтобы я двинулся этим путем.

– Как решишь, так и будет, – отозвался Элроир. – Ночью на дороге об этом толковать не стоит.

И Арагорн сказал Гальбараду:

– Что это ты везешь, родич? – ибо он заметил, что в руке у него не копье, а длинный шест, словно бы древко знамени; шест был натуго обмотан темной тканью и перетянут ремнями.

– Это прислала тебе Дева Раздола, – отвечал Гальбарад. – Втайне и с давних пор она трудилась над этим. И велела тебе сказать: *На счету каждый час. Либо наши надежды сбудутся, либо всем надеждам конец. Я все исполнила в срок, по-задуманному. Прощай же до лучших времен, Эльфийский Берилл!* Такие были ее слова.

На это Арагорн молвил:

– Теперь я знаю, что ты привез. Побереги это для меня еще немного!

Он обернулся к северу, взглянул на яркие, крупные звезды – и потом за всю ночь не сказал ни слова.

Под серым предрассветным небом они наконец выехали из Ущельного излога и добрались до Горнбурга. Надо было хоть немного передохнуть и рассудить, что их ждет.

Мерри спал как сурок; его разбудили Леголас и Гимли.

– Солнце стоит в небе, – сказал Леголас. – И все давно уж на ногах, кроме тебя, лежебока ты этакий. Вставай, а то и к шапочному разбору не поспеешь!

– Три дня назад здесь была страшная битва, – сказал Гимли, – и я Леголасу чуть не проиграл, но выиграл все-таки, угробил одного лишнего орка! Пойдем покажу, где это было! Да, Мерри, а какие тут пещеры! Сходим в пещеры, давай, а, Леголас?

– Нет, нет, не надо, – сказал эльф. – Кто ж второпях любитесь чудесами! Условились ведь мы с тобой – коли переживем лихие дни, то и отправимся туда вместе. А сейчас полдень на носу, общая трапеза и вроде бы снова в дорогу.

Мерри зевнул и потянулся. Спал он всего ничего, усталость не прошла, и тоска одолевала пуще прежнего. Пина теперь не было, не с кем словом перемолвиться, а кругом все спешат, и каждый знает куда – один он дурак дураком.

– Арагорн-то хотя бы где? – спросил он.

– Он наверху, на башне, – отвечал Леголас. – Отдыхать не отдыхал, какое там, и глаз-то не сомкнул. Пошел наверх – ему, мол, поразмыслить надо; и Гальбарад с ним. Трудные у него, видать, мысли: мрачные сомнения, тяжкие заботы.

– Темный они вообще-то народ, эти пришельцы, – сказал Гимли. – Витязи, конечно, на подбор, могучие, статные, ристанийцы рядом с ними сущие дети, а они суровые такие, обветренные, что твои скалы, – ну, наподобие Арагорна, и уж слова лишнего от них не услышишь.

– На Арагорна они похожи, это ты верно, – подтвердил Леголас. – Такие же молчаливые, но если скажут слово, то учтивые, как и он. А братья-то – ну, Элладан и Элроир? Эти и одеты поярче, и держатся по-другому: шутка сказать, сыновья Элронда, не откуда-нибудь, из Раздола!

– Чего это они вдруг приехали, не знаешь? – спросил Мерри. Он наконец оделся, накинул на плечи серый плащ, и все они втроем вышли к разрушенным воротам крепости.

– Позвали их, вот и приехали, сам же слышал, – отозвался Гимли. – Говорят, в Раздоле послышался голос: *Арагорн ждет родичей. Дунаданцы, спешите в Ристанию!* — а уж откуда и кто их позвал, это неизвестно. Гэндальф, наверно, кто же еще.

– Нет, не Гэндальф, это Галадриэль, – возразил Леголас. – Она же, помнишь, устами Гэндальфа возвещала прибытие Серой Дружины?

– Да, это ты в точку попал, – согласился Гимли. – Она это, она, Владычица Зачарованного Леса! Вот уж кто читает в сердцах и выполняет заветные желания! А мы с тобой дураки, Леголас, – что ж мы не позвали своих-то на помощь?

Леголас, стоя у ворот, обратил свои ясные глаза на север и на восток, и лицо его омрачилось.

– Наши не придут, – сказал он. – Что им ехать на войну за тридевять земель, когда война у них на пороге?

Они еще немного погуляли, обсуждая происшествия давешней битвы, потом вышли через разрушенные ворота, миновали свежие могильники у дороги, выбрались на Хельмову Гать и поглядели на излог. Уже воздвиглась Мертвая гора, черная, высокая, обложенная кам-

нями, а кругом были видны следы гворнов, истоптавших траву, избороздивших землю. Дунландцы и защитники Горнбурга вместе восстанавливали Гать, разравнивали поле, возводили заново стены и насыпали валы; повсюду царило странное спокойствие – казалось, долина отдыхала после налетевшей бури. Они повернули назад, чтобы успеть к полуденной трапезе.

Завидев их, конунг подозвал Мерри и усадил его рядом.

– Здесь, конечно, не то что в златоверхих чертогах Эдораса, – сказал он. – Да и друга твоего нет с нами, а он бы не помешал. Однако за высоким столом в Медусельде мы воссядем еще не скоро: если и доберемся туда, боюсь, нам будет не до пированья. Впрочем, что загадывать! Ешь и пей на здоровье, заодно и побеседуем. И поедешь со мною.

– Я – с тобою? – обрадовался и восхитился Мерри. – Вот здорово-то! – Он был как никогда благодарен за теплые слова. – А то я как-то, – запинаясь, выговорил он, – только у всех под ногами путаюсь, неужели совсем уж ни на что не пригожусь?

– Пригодишься, – заверил его Теоден. – Для тебя подыскали отличного пони местной породы: на горных тропах как раз такой нужен, не отстанет. Мы ведь в Эдорас горами поедем, через Дунхерг, где меня ждет Эовин. Хочешь быть моим оруженосцем? Эомер, доспех для него найдется?

– Оружейня здесь небогатая, государь, – отвечал Эомер. – Легонький шлем на его голову, пожалуй, подберем; но кольчугу и меч по росту – едва ли.

– А меч у меня и так есть, – сказал Мерри, вскочив на ноги и выхватив из черных ножен яркий клинок. Тронутый чуть не до слез лаской старого конунга, он внезапно опустился на одно колено, взял его руку и поцеловал. – Конунг Теоден, – воскликнул он, – позволь Мериадок из Хоббитании присягнуть тебе на верность! Можно, я возложу свой меч тебе на колени?

– С радостью позволяю, – ответил Теоден и в свою очередь возложил длинные старческие пальцы на темно-русую голову хоббита. – Встань же, Мериадок, – отныне ты наш оруженосец и страж Медусельда. Прими свой меч – да послужит он на благо Ристании!

– Теперь ты мне вместо отца, – сказал Мерри.

– Боюсь, ненадолго, – отозвался Теоден.

За трапезой шел общий разговор; наконец Эомер сказал:

– Скоро уж пора нам ехать, государь. Прикажешь ли трубить в рога? Но где же Арагорн? Он так и не вышел к столу.

– Готовьтесь выезжать, – велел Теоден, – и оповестите Арагорна, что время на исходе.

Конунг с Мерри и охраной вышли из ворот Горнбурга на просторный луг, где строились воины; многие уже сидели на конях. В крепости конунг оставил лишь небольшой гарнизон; прочие все до единого отправлялись в Эдорас, на войсковой сбор. Уже отъехал ночью отряд в тысячу копий, но и сейчас с конунгом было около пятисот, большей частью вестфольдцы.

Поодаль сомкнулся конный строй молчаливых Следопытов с копьями, луками и мечами, в темно-серых плащах; капюшоны закрывали их шлемы и лица. Кони у них были могучие, статные и шерстистые; и без седока стоял приведенный с севера конь Арагорна, по имени Рогерин. Ни золото, ни самоцветы не украшали их доспехи и сбруи, не было ни гербов, ни значков, только на левом плече у каждого звездой лучилась серебряная брошь – застежка плаща.

Конунг сел на своего Белогрива, Мерри взобрался на стоявшего рядом пони, звали его Стибба. Вскоре из ворот вышли Эомер с Арагорном и Гальбарад, который нес обмотанный черной тканью шест, а за ними еще двое – ни молодые, ни старые. Сыновья Элронда были до того похожи, что и не различишь: оба темноволосые и сероглазые, сияющие эльфийской красотой; оба в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шли Леголас и Гимли. Но Мерри

не мог отвести глаз от угрюмого, землистого, усталого лица Арагорна: он за одну ночь словно бы состарился на много лет.

– Я в большой тревоге, государь, – сказал он, остановившись у стремени конунга. – Дурные вести дошли до меня: нам грозит новая, неожиданная беда. Я долго размышлял, и сдаётся мне, что надо менять планы. Скажи, Теоден: ты ведь держишь путь в Дунхерг – сколько времени он займет?

– Уже час пополудни, – отозвался Эомер. – На третьи сутки к вечеру, должно быть, доедем до Укрывища. Полнолуние будет накануне; сбор конунг назначил еще через день. Быстрее не успеют съехаться со всей Ристании.

– Стало быть, через три дня, – задумчиво проговорил Арагорн, – войсковой сбор только начнется. Да, быстрее не выйдет, спешка тут ни к чему. – Он поднял глаза, и лицо его прояснилось, точно он окончательно принял трудное решение. – Тогда, государь, с твоего позволения, пути наши расходятся. У нас с родичами своя дорога, и поедем мы теперь в открытую. Мне больше незачем таиться. Поедем на восток кратчайшим путем, а дальше – Стезей Мертвецов.

– Стезей Мертвецов! – повторил Теоден, вздрогнув. – Что ты говоришь?

Эомер изумленно взглянул на Арагорна, и Мерри показалось, что конники, которые слышали эти слова, стали белее мела.

– Если и правда есть такая стезя, – продолжал Теоден, – то она начинается за воротами близ Дунхерга, но там никто еще не бывал.

– Увы, Арагорн, друг мой! – горестно молвил Эомер. – А я-то надеялся, что мы с тобой будем биться бок о бок. Но если жребий влечет тебя на Стезю Мертвецов, то мы расстанемся и едва ли увидимся на этом свете.

– Другой мне дороги нет, – отвечал Арагорн. – И все же, Эомер, на поле брани мы, быть может, еще и встретимся, прорубившись друг к другу сквозь все полчища Мордора.

– Поступай как знаешь, государь мой Арагорн, – сказал Теоден. – Видно, и правда таков твой жребий – идти нехоженными путями. Как ни горько мне с тобой расставаться, как ни тягостно, однако нас ждут горные тропы и медлить больше нельзя. Прощай!

– Прощай, государь! – сказал Арагорн. – Скачи навстречу великой славе! Прощай и ты, Мерри! В хороших руках ты остаешься, я и надеяться не смел на такое, когда мы гнались за орками до Фангорна. Леголас и Гимли, наверно, и теперь последуют за мною; но мы тебя не забудем.

– До свидания! – проговорил Мерри. Других слов у него не нашлось. Он чувствовал себя совсем крохотным; его смущали и угнетали услышанные мрачные речи. Эх, сюда бы сейчас неунывающего Пина! Конники стояли наготове, лошади перебирали ногами: скорей бы в путь – и дело с концом.

Теоден обратился к Эомеру, тот поднял руку и громко отдал приказ; конники тронулись. Они миновали Гать, выехали из Ущельного излога и круто свернули к востоку, тропой, которая с милю вилась у подножий, а потом уводила на юг и исчезала в горах. Арагорн выехал на Гать и провожал ристанийцев взглядом, пока излог не скрыл их из виду.

– Вот уехали трое близких моему сердцу, – сказал он Гальбарату, – и едва ли не ближе других этот малыш. Он не знает, что его ждет; но если б и знал, все равно бы поехал.

– Да, о малышах-хоббитанцах не по росту судить, – заметил Гальбарад. – Вовсе им невдомек, какими трудами охраняли мы их границы, но мне это ничуть не обидно.

– А теперь наши судьбы сплелись воедино, – сказал Арагорн. – Но что поделать, приходится разлучаться. Ладно, мне надо перекусить, да в дорогу. Пойдемте, Леголас и Гимли! Поговорим за едой.

Они вместе вернулись в Горнбург. Однако за столом Арагорн хранил молчание, и друзья переглядывались.

– Говори же! – сказал наконец Леголас. – Говори, может, полегчает, светлее станет на сердце! Что случилось с тех пор, как мы приехали на мгlistом рассвете в эту хмурую крепость?

– Я выдержал битву куда более жестокую, чем на стенах этой хмурой крепости, – отвечал Арагорн. – Я глядел в Ортханкский камень, друзья мои.

– Ты глядел в эту проклятую колдовскую штуковину? – вскричал Гимли с ужасом и недоумением. – Он... Враг у тебя что-нибудь выведал? Ведь даже Гэндальф и тот не отважился на такой поединок, а ты...

– Ты забываешь, с кем говоришь, – сурово осек его Арагорн, и глаза его блеснули. – Не при тебе ли я во всеуслышание назвался у ворот Эдораса? Что, по-твоему, я мог ему выдать? Нет, Гимли, – уже мягче продолжал он, и тень сбегала с его лица, видна была лишь безмерная усталость, точно после многих бессонных ночей, исполненных тяжкого труда. – Нет, друзья мои, я законный владелец Камня, вправе и в силах воспользоваться им: так я рассудил. Право мое неоспоримо. И сил хватило – правда, еле-еле.

Он глубоко вздохнул.

– Да, жестокий был поединок, все никак не приду в себя. Я не сказал ему ни слова, но сумел подчинить Камень своей воле. От одного этого он придет в неистовство. И я предстал перед ним. Да, сударь мой Гимли, Враг видел меня, но не в том обличье, в каком ты видишь меня сейчас. Если я оказал ему услугу, дело плохо; но думаю, что оказал дурную услугу. Он был, по-моему, страшно поражен тем, что я объявился среди живых, ибо доньше он обо мне не знал. Под окнами Ортханка на меня не обратили внимания, благо я был в ристанийском доспехе; но уж Саурон-то не забыл Исилдура и меча Элендила. И вот, как раз когда начинают сбываться его черные замыслы, вдруг он воочию видит наследника Исилдура и тот самый меч: я обнажил перед ним заново откованный клинок. А он все же не так силен, чтоб ничего не опасаться, – нет, его еще гложут сомнения.

– Ну, сил-то ему не занимать, – возразил Гимли, – и тем быстрее он нанесет удар.

– Быстрее вовсе не значит вернее, – сказал Арагорн. – И настала пора опережать Врага, а не дожидаться его ударов. Друзья мои, когда я овладел Камнем, мне многое открылось. Беда нагрянула на Гондор с юга, и защитников Минас-Тирита вдвое поубавилось. Если мы с этой бедою немедленно не управимся, то город погибнет, не выстоит и десяти дней.

– Значит, погибнет, – сказал Гимли. – Кого посылать на подмогу и как туда поспеть вовремя?

– Посылать на подмогу некого, стало быть, надо ехать самому, – сказал Арагорн. – И есть лишь один путь, которым можно поспеть к Морю вовремя, пока еще не все потеряно. Это – Стезя Мертвецов.

– Стезя Мертвецов! – повторил Гимли. – Жутковатое название – и слух ристанийцев оно, как я заметил, не тешит. Ну а живым-то можно проехать этой Стезей и не сгинуть? И что толку, если проедем, – нас же всего горстка против несметных полчищ Мордора!

– Живые по этой дороге не ездили, мустангримцы такого не упомнят, – сказал Арагорн. – Она закрыта для живых. Однако наследник Исилдура в эту черную годину может и проехать, если отважится. Слушайте! Сыновья Элронда из Раздола, премудрого знатока преданий, передали мне слова отца: *Пусть Арагорн припомнит речь провидца, пусть помнит о Стезе Мертвецов.*

– А что за речь провидца? – спросил Леголас.

– Вот что изрек провидец Мальбет во дни Арведуи, последнего властителя Форноста:

*Простерлась черная тень над землей,
На запад стремится крылатый мрак.
Содрогается град; подступает враг
К заветным гробницам. И встают мертвецы,*

*Ибо клятвопреступникам вышел срок,
Ибо их созывает гремучий рог,
С вершины Эрека вновь затрубив.
Кто протрубит? Кто призовет
Из могильной мглы забытый народ?
Потомок того, кто был предан встарь,
Возвратится с севера Государь
Темным путем, Стезей Мертвецов.*

– Что темным путем – это понятно, – сказал Гимли, – но в остальном стихи уж очень темные.

– Остальное станет понятно, если поедешь со мной темным путем, – сказал Арагорн. – Сам бы я его не избрал, но, видно, предуказанного не миновать. А вы решайте сами, хватит ли у вас мужества и сил, чтобы одолеть неодолимый страх и вынести непосильные тяготы – может статься, себе на беду.

– Я пойду за тобою даже Стезей Мертвецов, куда бы она ни привела, – сказал Гимли.

– И я тоже, – сказал Леголас, – я мертвецов не боюсь.

– Хорошо бы этот забытый народ не забыл ратного дела, – сказал Гимли, – а то не к чему их и тревожить.

– Это мы узнаем, если доберемся живыми до вершины Эрека, – сказал Арагорн. – Ведь они поклялись сражаться с Сауроном и нарушили клятву; чтобы исполнить ее ныне, надо сразиться. На вершине Эрека Исилдур водрузил черный камень, который, по преданию, привез из Нуменора. И в начале его правления князь горцев присягнул на верность Гондору возле этого камня. Когда же Черный Властелин объявился в Средиземье и вновь стал могуч и страшен, Исилдур призвал горцев на великую брань, а они отказались воевать, ибо втайне предались Саурону еще во Вторую Эпоху, в проклятые времена его владычества.

И тогда Исилдур сказал их князю: «Твое княжение да будет последним. И если Запад восторжествует над твоим Черным Владыкою, то вот, я налагаю проклятие на тебя и на весь твой народ: вы не узнаете покоя, доколе не исполните клятву. Ибо войне этой суждено длиться несчетные годы, и в конце ее снова призовут вас на брань». И они бежали от гнева Исилдура и не посмели выступить на стороне Саурона; укрылись в горах, отъединились от соседей и мало-помалу вымерли в своих каменистых пустошах. Но умершие не опочили; их замогильное бденье оцепенило ужасом окрестности Эрека. Туда и лежит мой путь, раз от живых мне помощи не будет. Вперед! – воскликнул он, поднявшись и обнажив меч, ярко блеснувший в сумрачном зале. – Я еду Стезей Мертвецов к Эрекскому камню. Кто отважится на это – за мною!

Леголас и Гимли промолчали и вышли следом за ним из ворот, к безмолвному и недвижному строю всадников в капюшонах. Они сели на своего коня, Арагорн вскочил на Рогерина. Гальбарад затрубил в большой рог, гулкое эхо огласило Хельмово ущелье, и Дружина вихрем пронеслась по излогу; ей вослед изумленно глядели с Гати и крепостных стен.

Теоден пробирался горными тропами, а Серая Дружина мчалась по степи и на другой день уже подъезжала к Эдорасу. Едва передохнув, отправились дальше, в горы – и в сумерках достигли Дунхерга.

Царевна Эовин радостно приветствовала их; таких могучих витязей, как дунаданцы и сыновья Элронда, она в жизни не видела, но взгляд ее все время устремлялся на Арагорна. За

ужином они беседовали, и ей было рассказано обо всем, что случилось после отъезда Теодена из столицы: лишь обрывочные вести дошли до нее. Теперь она услышала о битве у Хельмовой Крепи, о полном разгроме врага, о том, как конунг повел в последний бой своих всадников, – и глаза ее засияли.

Наконец она сказала:

– Государи мои, вам пора отдохнуть с дороги. Нынче, наспех, я предложу вам скромный ночлег. Наутро же мы приготовим более достойные вас покои.

Но Арагорн сказал:

– Нет, царевна, не заботься об этом. Нам нужно всего лишь переночевать и позавтракать. Я очень тороплюсь, и на рассвете мы выезжаем.

– Тогда спасибо тебе, государь, – с улыбкой молвила она, – что ты, свернув с пути, проехал столько миль, чтобы порадовать добрыми вестями отшельницу Эовин.

– Ради такой отшельницы дальняя дорога не в тягость, – сказал Арагорн, – однако же, царевна, с пути я бы сюда не свернул.

– Значит, государь, – отозвалась она, и в голосе ее слышна была печаль, – ты сбился с пути, потому что из Дунхергской долины нет выхода ни на восток, ни на юг – тебе надо вернуться обратно.

– Нет, царевна, – сказал он, – с пути я не сбился: я странствовал в здешних краях задолго до того, как ты родилась им на украшение. Есть выход из этой долины, он-то мне и нужен. Отсюда на юг ведет Стезя Мертвецов.

Она замерла, будто громом пораженная; лицо ее побелело, она глядела ему в глаза и молчала, и молчали все кругом.

– Арагорн, – наконец молвила она, – неужели ты торопишься навстречу гибели? Лишь гибель ждет тебя на этом пути. Там нет проходу живым.

– Меня, может статься, пропустят, – сказал Арагорн. – Так или иначе, я попробую пройти. Другие дороги мне не годятся.

– Но это безумие, – сказала она. – С тобою славные, доблестные витязи, и не в смертную тень ты их должен вести, а на бой, на поле брани. Молю тебя, останься, ты поедешь с моим братом, на радость всему ристанийскому войску, в знак великой надежды.

– Нет, царевна, это не безумие, – отвечал он, – этот путь преуказан издревле. Кто идет со мною – идет по доброй воле; кто захочет остаться и ехать на бой вместе с ристанийцами – пусть остается. Но я пойду Стезей Мертвецов, даже в одиночку.

Больше сказано ничего не было, и в молчании завершилась трапеза; но Эовин не сводила глаз с Арагорна, и мука была в ее глазах. Наконец все поднялись из-за стола, пожелали ей доброй ночи, поблагодарили за радушие и отправились спать.

Арагорна поместили с Леголасом и Гимли; у шатра окликнула его царевна Эовин. Он обернулся и увидел словно бы легкое сиянье в ночном сумраке: на ней было белое платье и светились ее глаза.

– Арагорн, – сказала она, – зачем ты едешь этим гиблым путем?

– Затем, что иначе нельзя, – отвечал он. – Только так я, быть может, сумею опередить Саурона. Я ведь не ищу гибели, Эовин. Будь моя воля, я гулял бы сейчас на севере по светлым тропинкам Раздола.

Она помолчала, обдумывая последние его слова. Потом вдруг положила руку ему на плечо.

– Ты суров и тверд, – сказала она. – Таким, как ты, суждена слава. – И снова примолкла. – Государь, – решила она наконец, – если таков преуказанный тебе путь, то позволь мне ехать с тобою. Мне опротивело прятаться и скрываться, я хочу испытать себя в смертном бою.

– Ты должна оставаться со своим народом, – ответил он.

– Только и слышу, что я кому-то что-то должна! – воскликнула Эовин. – Разве я не из рода Эорла? Воительница я или нянька? Долгие годы я опекала немощного старца. Теперь он, кажется, встал на ноги – а мне все равно нельзя жить по своей воле?

– Этого почти никому нельзя, – ответил он. – И не ты ли, царица, приняла теперь на себя попечение о своем народе, покуда не воротится конунг? Если б это доверили не тебе, а военачальнику или сенешалю, ты думаешь, он мог бы оставить свой пост, как бы ему все ни опротивело?

– Значит, так всегда и будет? – горько спросила она. – Ратники будут уезжать на войну и добывать бранную славу, а мне – оставаться хозяйничать и потом их встречать, заботиться о еде и постелях, так?

– Может статься, и встречать будет некого, – сказал он. – Настанет темное время безвестной доблести: никто не узнает о подвигах последних защитников родимого крова. Но безвестные подвиги ничуть не менее доблестны.

– Ты твердишь одно и то же, – отвечала она, – женщина, говоришь ты, радей о доме своем. А когда воины погибнут славной смертью – сгори вместе с домом, погибшим он больше не нужен. Но я не служанка, я – царица из рода Эорла. Я ездю верхом и владею клинком не хуже любого воина. И я не боюсь ни боли, ни смерти.

– А чего ты боишься, царица? – спросил он.

– Боюсь золоченой клетки, – сказала она. – Боюсь привыкнуть к домашнему заточению, состариться и расстаться с мечтами о великих подвигах.

– Как же ты отговаривала меня идти избранной дорогой, потому что она опасна?

– Я ведь тебя, а не себя отговаривала, – сказала она. – И я призывала тебя не избегать опасности, а ехать на битву, добывать мечом славу и победу. Просто я не хотела, чтобы сгинули попусту благородство и великая отвага!

– Я тоже этого не хочу, – сказал он. – Потому и говорю тебе, царица: оставайся! Нечего тебе делать на юге.

– Другим – тем, кто пойдет за тобою, – тоже нечего там делать. Они пойдут потому, что не хотят с тобой разлучаться, потому, что любят тебя.

Сказав так, она повернулась и исчезла в темноте.

В небе забрезжил рассвет, но солнце еще не выглянуло из-за высоких восточных хребтов. Дружина сидела верхами, и Арагорн собрался было вскочить в седло, когда царица Эовин, в ратном доспехе и при мече, вышла попрощаться с ними. Она несла чашу с вином; пригубив ее, пожелала она воинам доброго пути и передала чашу Арагорну, который, прежде чем дотпить вино, молвил:

– Прощай, царица Ристании! Я пью во славу дома конунгов, пью за тебя и за весь ваш народ. Скажи своему брату, что мы еще, может, и свидимся, прорвавшись сквозь тьму!

Гимли и Леголасу показалось, что она беззвучно заплакала: скорбь исказила ее гордое и строгое лицо. И она проговорила:

– Арагорн, ты едешь, куда сказал?

– Еду, – отвечал он.

– И не позволишь мне ехать с вами, как я просила тебя?

– Нет, царица, – сказал он. – Нельзя тебе ехать без позволения конунга или твоего брата, а они будут лишь завтра. У меня же на счету каждый час, каждая минута на счету. Прощай!

Тогда она упала на колени и воскликнула:

– Я тебя умоляю!

– Нет, царица, – сказал он, взяв ее за руку и поднимая с колен; потом поцеловал ей руку, вспрыгнул в седло и тронул коня, больше не оглядываясь. Лишь тем, кто знал его близко и ехал рядом, понятно было, как тяжело у него на сердце.

А Эовин стояла, неподвижная, точно изваяние, сжав опущенные руки; стояла и смотрела, как они уходят в черную тень Двимерберга, Горы Призраков, к Вратам мертвого края. Когда всадники пропали из виду, она повернулась и неверным шагом, как бы вслепую, отправилась к себе в шатер. Никто из ее подданных не видел этого расставания: они попрятались в страхе и ждали, пока рассветет и уедут безрассудные чужаки.

И люди говорили:

– Это эльфийцы. Пусть себе едут в гиблый край, коли им суждено там сгинуть. У нас своего горя хватает.

Ехали в предрассветной мгле; восходящее солнце заслонял сумрачный гребень Горы Призраков. Извилистая дорога меж двумя рядами древних стоячих камней привела их в бор Димхолт, преддверие страшного края. Под сенью черных деревьев, где даже Леголасу было не по себе, открылась падь, и посреди тропы роковой вехой возник громадный столп.

– Что-то у меня кровь леденеет, – заметил Гимли, но никто не отозвался, и звук его голоса поглотила сырая хвойная подстилка.

Кони один за другим останавливались перед зловещим столпом; всадники спешили и повели их под уздцы в обход по крутому склону к подножию Горы, туда, где в отвесной скале зияли Врата, словно жерло ночи. Над широкой аркой смутно виднелась тайнопись и загадочные рисунки, и Врата источали серый туман, будто смертную тоску. Дружина оцепенела; лишь у царевича эльфов Леголаса не дрогнуло сердце – он не страшился человеческих призраков.

– За этими Вратами, – сказал Гальбарад, – таится моя смерть. Я пойду ей навстречу, но кони туда не пойдут.

– Мы должны пройти, значит, пройдут и кони, – отвечал Арагорн. – За Вратами мертвенная тьма, а за нею – дальняя дорога, и каждый час промедленья приближает торжество Саурана. Вперед!

И Арагорн пошел первым; вдохновленные его могучей волей, следовали за ним дунаданцы, а кони их так любили своих хозяев, что не убоялись даже замогильного ужаса, ибо надежны были сердца людей, которые их вели. Только Арод, ристанийский конь, стоял весь в поту и дрожал – горестно было смотреть на него. Но Леголас закрыл ему ладонями глаза, напел в уши ласковые, тихие слова – и конь послушно пошел за своим седоком. Перед Вратами остался один лишь гном Гимли. Колени его дрожали, и он стыдил сам себя.

– Вот уж неслыханное дело! – сказал он. – Эльф спускается под землю, а гном боится!

И он ринулся вперед, волоча непослушные, как свинцом налитые ноги; тьма обрушилась на него и ослепила Гимли, сына Глоина, который, бывало, бесстрашно спускался в любые подземелья.

Арагорн запасся в Дунхерге факелами и нес огонь впереди; Элладан, вознося факел, замыкал шествие, а за ним, спотыкаясь, брел Гимли. Ему видны были только тусклые факельные огни; но едва Дружина приостанавливалась, как слух его наполнился ропотом и отзвуками голосов, невнятной молвю на неведомом языке.

Дружина шла и шла, и помехи ей не было, а гному становилось все страшнее – он-то знал, что вспять повернуть нельзя, что позади, в темноте, толпится незримое сонмище. Страшно тянулось время; и то, что Гимли наконец увидел, он очень не любил вспоминать. Вроде бы шли они по широкому проходу, но стены внезапно исчезли, и перед ними разверзлась пустота. Ужас давил его так, что ноги подкашивались на каждом шагу. Слева что-то блеснуло во мраке, и факел Арагорна приблизился. Должно быть, Арагорн вернулся поглядеть, что там блеснит.

– Неужели ему не страшно? – пробормотал гном. – В любой другой пещере Гимли, сын Глоина, первым побежал бы на блеск золота. Но здесь – не надо! Пусть лежит!

И все же он подошел – и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а Элладан держит оба факела. Перед ними простерся скелет богатыря. Боевой доспех уцелел: кольчуга была золоченая, а воздух в пещере такой сухой, что чуть не скрипел на зубах. Золотом и гранатами украшен был пояс; череп в шлеме с золотой насечкой ничком уткнулся в песок. При факелах стало видно, что скелет лежит у стены пещеры, возле закрытой каменной двери, впившись в щели костяными пальцами. Рядом валялись обломки зазубренного меча: наверно, он отчаянно рубил камень, пока хватало сил.

Арагорн не прикоснулся к останкам; он молча разглядывал их, потом поднялся и вздохнул.

– До скончания веков не расцветут над ним цветы *симбельмейна*, – проговорил он. – Девять и еще семь могильников давным-давно заросли травой, и все эти несчетные годы он пролежал здесь, у дверей, которых не смог открыть. Куда ведут эти двери? Что он искал за ними? Этого никто никогда не узнает... И мне об этом знать незачем! – возгласил он, обращаясь к шелестящей темноте позади. – Храните свои клады и тайны Проклятых Времен! А нам надо спешить. Пропустите нас и ступайте следом! Я призываю вас всех к Эрекскому камню!

Вместо ответа настало бездонное молчанье, пострашнее зловещего шелеста; потом повеяло холодом, факелы вспыхнули, угасли, и зажечь их снова не удалось. Что было дальше и сколько часов это длилось, Гимли толком не помнил. Дружина шла вперед, а он кое-как поспевал за остальными, спасаясь от ужаса, который, казалось, вот-вот обессилит его, настигая шелестами, шорохами, призрачным звуком несчетных шагов. Он спотыкался, падал, под конец полз на четвереньках и чувствовал, что больше не может: либо впереди найдется выход и спасенье, либо уж будь что будет – он бросится назад на растерзание ужасу.

Вдруг он услышал журчанье воды, такое отчетливо-звонкое, точно где-то прокатился камень, пробудив от дурного сна. Становилось светлее, и вот Дружина вышла из-под высокой сводчатой арки; ручей бежал рядом, а впереди круто уходила вниз дорога между отвесными скалами, упирающимися в небеса. Ущелье было такое узкое и глубокое, что небо казалось темным и мерцали мелкие звезды. Однако же Гимли узнал потом, что день был тот самый, когда они вышли из Дунхерга, до заката оставалось еще два часа, а могли миновать и годы; и вышел он будто бы совсем в иной мир.

Дружинники снова ехали вереницей, и Гимли сидел позади Леголаса. Смеркалось, сгущались синие сумерки; и ужас шел по пятам. Леголас обернулся, и Гимли увидел прямо перед собой блистающие глаза эльфа. За ними ехал Элладан, замыкающий, но не последний на этой наклонной дороге.

– Мертвые следуют за нами, – сказал Леголас. – Я вижу тени всадников, тусклые стяги, как клочья тумана, копья, точно заиндевевший кустарник. Они следуют за нами.

– Да, мертвецы не отстают. Они откликнулись на зов, – сказал Элладан.

Наконец Дружина вышла из ущелья – внезапно, как сквозь трещину в стене; они очутились над высокогорной долиной и услышали переплеск потока, низвергавшегося водопадами.

– Куда это нас занесло? – спросил Гимли, и Элладан отвечал ему:

– Пониже истоков длинной студеной реки, которая впадает в морской залив, омывающий стены Дол-Амрота. Мортхонд зовется она – Черноводная; теперь ты, наверно, не спросишь почему.

Широким изгибом Мортхондская долина охватывала крутогорье с юга. Травянистые склоны в этот сумеречный час подернуло серой пеленой; далеко внизу мигали огоньки селений. Долина была плодородная и многолюдная.

Арагорн, не оборачиваясь, крикнул во весь голос:

– Друзья, забудьте об усталости! Пустите коней вскачь! Нам нужно прежде полуночи быть у Эрекского камня, а до него еще далеко.

И они без оглядки промчались косогором к мосту через реку, набравшую ширину, и дальше вниз по дороге в долину.

Повсюду гасили огни и запирали двери, а те, кто был в поле, крича от ужаса, метались, точно испугнутое зверье. В полутьме разносился общий крик:

– Полчище мертвых! На нас идет полчище мертвых!

Звонили колокола, все разбегались и прятались, а Серая Дружина неслась во весь опор, покуда кони не начали спотыкаться. И перед самой полуночью, в черной, как бы пещерной тьме они все-таки доскакали до Эрекского камня.

С незапамятных пор витал смертный страх над горою Эрек и окрестными пустошами. На вершине ее торчал черный камень, круглый, как огромный шар, наполовину вкопанный в землю и все же высотой в человеческий рост. Был он нездешнего вида, словно упал с небес, как думали иные; те же, кто помнил предания Запада, говорили, что вывез его из руин Нуменора и вкопал на горе сам Исилдур. Жители долины не смели приближаться к нему, да поблизости никто и не жил: рассказывали, что в недобрую годину вокруг камня собирается и ропщет сонмище привидений.

Дружина остановилась у камня; царил мертвенная ночная тишь. Арагорн взял у Элроира серебряный рог, затрубил в него – и всем послышались глухие ответные раскаты, дальним эхом из пещерных глубин. Больше ничего слышно не было, но чувалось, что гору обступило большое войско; и дохнул леденящий ветер. Арагорн спешился, стал подле камня и громовым голосом спросил:

– Клятвопреступники, зачем вы пришли?

И кто-то в ночи отозвался, как бы издалека:

– Чтобы исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

– Настал ваш час! Вы последуете за мною в Пеларги-на-Андуине, и, когда тамошний край будет избавлен от Сауриновой нечисти, я сниму с вас заклятие, и вы обретете покой навечно. Ибо я – Элессар, наследник великого князя гондорского Исилдура.

И он повелел Гальбарату развернуть и водрузить знамя, которое тот привез из Раздола; затрепетало черное полотнище, и в темноте не видно было, что на нем выткано. Дружина заночевала возле камня, но почти никому не спалось в безмолвном окружении призраков.

С первыми лучами бледного рассвета Арагорн повел свою Дружину в далекий и многотрудный поход без отдыха и промедленья: такой был лишь ему по силам, и его непреклонная воля поддерживала остальных. Подобных тягот не вынес бы никто из смертных – но вынесли северные витязи-дунаданцы, и с ними были гном Гимли и Леголас из рода эльфов.

Они прошли в Ламедон Тарлангским перевалом; за ними по пятам мчалось призрачное воинство, а страшная весть о нем летела впереди, и, когда они въезжали в Калембель-на-Кириле, кровавый закат озарял их со спины, из-за хребта Пиннат-Гелина. В городе не было ни души, переправа через Кирил не охранялась, ибо многие ушли на войну, а прочие бежали в горы, прослышав о нашествии полчища мертвых. Наутро рассвета не было, и Серая Дружина исчезла с глаз людских во тьме, нахлынувшей из Мордора; а мертвецы спешили следом.

Глава III

Войсковой сбор

Все пути сходились теперь на востоке, на рубеже грядущей войны – там, где сгушалась грозная Темь. И когда Пин стоял у столичных Великих Врат, провожая взглядом золотистые стяги владетеля Дол-Амрота, дружина конунга Ристании спускалась с гор к Укрывищу.

День угасал. Длинные тени тянулись перед конниками. Темнота вползала в густой, перешептывающийся ельник, облекавший горные кручи. Конунг ехал медленно, он утомился за день. Вскоре тропа, обогнув выступ огромного утеса, углубилась в тихий лесной сумрак. Вниз, вниз и вниз двигались они длинной извилистой вереницей. Ближе ко дну ущелья уже совсем свечерело. Солнце зашло, и сумеречная мгла окутала водопады.

Весь день виднелся далеко внизу бурливый поток, сбегавший с высокого перевала, klo-коча в своем узком русле между скалистыми откосами в сосновом убранстве; и вот он был перед ними, готовый вырваться на приволье из каменных теснин. Конники ехали берегом – и вдруг им открылась Дунхергская долина, оглашенная вечерним гулом воды. Кипучая Снеговая, усиленная притоком, мчалась, обдавая пеной каменистое ложе, к Эдорасу, к зеленым холмам и равнинам. Справа, у края широкой долины, вздымал заоблачные взлобья могучий Старкгорн, и его иззубренная вершина в шапке вечных снегов сияла в высоте; черно-синие тени ложились на нее с востока, и багровыми пятнами ее осыпал закат.

Мерри изумленно озирал этот неведомый край, о котором столько понаслышался в долгом пути. Небес тут не было: глядявайся не глядявайся в туманную пелену поверху, увидишь только громоздящиеся склоны, утес за утесом, и хмурые ущелья, подернутые дымкой. Он сонно вслушивался в шум воды, в смутный шепот деревьев, в треск распадающегося камня – и чуял огромное молчанье, ожидающее, пока все эти шумы стихнут. Ему вообще-то нравились горы, а лучше сказать – нравилось, как они возникают за обочиной рассказов о дальних странах; но теперь его придавила несусветная тяжесть вразправдашнего Средиземья, и больше всего на свете он хотел бы оказаться у себя, возле камина, в уютной комнатушке.

Он очень устал: ехали-то они медленно, однако же почти не отдыхали. Три долгих, томительных дня трясся он по тропам вверх и вниз, через перевалы, длинными долинами и звенящими бесчисленными бродами. Ежели дорога была пошире, он ехал рядом с конунгом, не замечая, что многие конники усмехались, глядя на это соседство: хоббит на лохматеньком сером пони и повелитель Ристании на большом белом коне. А он разговаривал с Теоденом, рассказывал ему о себе, о своих и прочие хоббитанские байки, потом слушал рассказы о Мустангриме и о подвигах ристанийских витязей. Но чаще всего, как и нынче, Мерри ехал сам по себе, за конунгом, говорить было не с кем, и он вслушивался в медленную звучную речь ристанцев, доносившуюся сзади. Многие слова он вроде бы узнавал, только звучали они и звонче, и протяжнее, а вместе никак не складывались. Иногда чей-нибудь ясный голос заводил песню, и у Мерри взыгрывало сердце, хоть он и не понимал, о чем поется.

Очень ему было все-таки одиноко, особенно теперь, на закате дня. Он думал, куда же в этом непонятном мире подевался Пин, где Арагорн, Леголас и Гимли. И внезапным холодом полоснула мысль: а Сэм с Фродо – они-то где? «Совсем я про них забыл, – укорил он себя. – Они же из всех нас главные, я и пошел-то им в помощь, и вот теперь они за сотни миль, спасибо еще, если живы». Он испуганно поежился.

– Вот и Укрывище! – молвил Эомер. – Близок конец пути.

Кони стали. Через узкую горловину ущелья, как сквозь высокое окно, едва-едва был виден крутой спуск в меркнувшую долину. Внизу, возле реки, вспыхивал и угасал крохотный огонек.

– Да, конец пути близок, – подтвердил Теоден, – и это – начало нового пути. Прошлой ночью было полнолуние, а наутро я поеду в Эдорас, на войсковой сбор.

– Прими мой совет, – негромко сказал Эомер, – возвратись потом сюда, пережди здесь победу или поражение.

– Нет, – усмехнулся Теоден, – нет, сын мой, ибо так я буду тебя называть, ты уж не будь советником наподобие Гнилоуста! – Он выпрямился в седле и оглянулся на длинный строй ратников, терявшийся в сумерках. – Давно я не водил вас в поход, многие дни стеснились в годы, но теперь-то я клюку отбросил. Коли нас победят, что мне толку скрываться в горах? А коли мы победим, то не страшно мне и погибнуть, исполнив свой долг до конца. Однако ж будет об этом. Нынче я ночую в Укрывище, и есть еще у нас хотя бы один мирный вечер. Едем!

Уже почти стемнело, когда они спустились. Снеговая протекала у западного края долины, и вскоре тропа привела их к броду, где вода бурлила среди камней. Брод охраняли; воины выпрыгивали из-за темных скал и, завидев их, радостно возглашали:

– Конунг Теоден! Конунг Теоден! Властитель Ристании возвратился!

Протяжно затрубил рог, и гулким эхом отозвалась долина. За рекой зажигались огни.

И вдруг с высот дружно грянули трубы: казалось, они поют под единым сводом, и слитный трубный гром раскатился по каменным склонам.

Так возвратился с победою властитель Мустангрима в Дунхерг, в свое высокогорное Укрывище. Последняя рать Ристании была в сборе; проведая о приближении конунга, воеводы встретили его у переправы, как и велел Гэндальф. Впереди ехал Дунгир, здешний правитель.

– Государь, – сказал он, – три дня назад на рассвете примчался с запада в Эдорас Светозар, и Гэндальф несказанно обрадовал нас вестью о твоей победе. Но он приказал от лица твоего поторопить сбор. А затем нагрянул крылатый Призрак.

– Крылатый Призрак? – повторил Теоден. – Мы тоже видели его, но посреди ночи, еще когда Гэндальф был с нами.

– Может статься, вы его и видели, государь, – сказал Дунгир. – Он ли был тогда или другой, но исчадьем мрака, подобьем чудовищной птицы явился он в то утро над Эдорасом, и страх объял всех до единого. Ибо он снизился к Медусельду, почти до самого купола, и раздался вопль, оледенивший сердца. Тогда-то Гэндальф и посоветовал нам не собираться на равнине, а встретить тебя здесь, в горном Укрывище. И не зажигать ни костров, ни факелов помимо крайней нужды – так мы и сделали, потому что повелительны были его слова и мы услышали в них твое веление. Здесь, над долиною, чудища не появлялись.

– Вы рассудили верно, – сказал Теоден. – Я сейчас еду в Укрывище, и прежде, чем отойду ко сну, надо мне встретиться с воеводами и сенешалями. Сзовите их у меня как можно скорее!

Теперь дорога вела напрямиком на восток – по долине, где она была шириною не более полумили. Кругом лежали поля и травяные сумеречно-серые луга, и за дальним краем ложбины Мерри увидел утесистый отрог Старкгорна, некогда разрезанный рекой.

Равнина была заполнена людьми. Они толпились у дороги, приветственными кликами встречая конунга и западных ратников; а поодаль виднелись ряды палаток и шатров, стояли за частоколами кони и стройно было составлено оружие: копья торчали, как древесная поросль. Сумерки застилали многолюдный лагерь, с гор веяло ночной прохладой, однако же фонари не горели и не пылали костры. Расхаживали часовые в длинных плащах.

«Сколько же их тут собралось, ристанийцев?» – задумался Мерри. В сгушавшейся тьме на глазок было не прикинуть, но вроде бы большое, многотысячное войско. А пока он вертел головой, дружина конунга оказалась возле огромной скалы у восточного края долины; дорога вдруг пошла в гору, и Мерри изумленно поднял взгляд. Таких дорог он еще не видывал: верно, люди проложили ее во времена совсем уж незапамятные. Змеею вилась она вверх, врезаясь в отвесную скалу. Крутая, точно лестница, она открывала обзор то спереди, то сзади. Лошади этот подъем кое-как одолевали; можно было втащить и повозки, но никакой враг ниоткуда не смог бы обойти защитников, разве что с воздуха. На каждом повороте дороги высились грубые изваяния: человекоподобные фигуры сидели, поджав ноги и сложив толстые руки на пухлых животах. Черты лица у многих с годами стерлись, лишь черные глазные дыры взирали на мимо-езжих. Конники их вниманием не удостаивали. Назывались они Пукколы, колдовской силы не имели, страха никому не внушали; и Мерри провожал изумленным и почти что жалостным взглядом эти выступавшие из сумрака фигуры.

Потом он глянул назад и увидел, что взобрался уже высоко, и все равно в тумане видно было, как снизу идут конники – нескончаемой вереницей идут и расходятся по лагерю. Лишь конунг с приближенными ехали вверх, в Укрывище.

Наконец они выехали на край обрыва, а дорога вела все вверх, крутым склоном к скалистой расселине, а за нею расстилалась долина. Звалась она Фириэнфельд – широкая это была и красивая долина, травянистая, поросшая вереском, над бурным ложем Снеговой, по южным склонам Старкгорна и северным отлогам зубчатого хребта Ирензаги; туда-то и направлялись конники, и перед ними вздымался Двиморберг, Гора Призраков с ее одетыми мрачным сосняком кручами. Долину пересекал двойной ряд неуклюжих каменных вех; дорога между ними уходила в сумрак и пропадала среди сосен. Отважся кто-нибудь по ней поехать – он вскоре оказался бы в лесной мгле Димхолта, увидел бы зловещий столп и зияющие Запретные Врата.

Таков был угрюмый Дунхерг, сооруженный древним людским племенем, о котором ни песни, ни сказания не сохранили памяти. И неведомо было, что воздвигали древние строители – то ли город, то ли тайный храм, то ли царскую усыпальницу. Трудились они в Темные Века, задолго до того, как приплыли корабли к западным берегам и дунаданцы основали Гондор, и давным-давно сгинул этот народ, одни лишь Пукколы упрямо сидели на изгибах дороги.

Мерри взглянул на каменные зубья, на их неровный строй: они исчернели и выветрились, те покосились, другие упали, третьи надломились или искрошились – ни дать ни взять голодный старческий оскал. Он подумал, зачем бы им тут торчать, и понадеялся, что конунг не поедет между ними в густеющую темень. Потом он различил по обеим сторонам дороги множество палаток и навесов, но расположены они были поодаль от сумрачного леса и даже теснились к обрыву. Большая часть лагеря находилась справа, где Фириэнфельд распластался вширь, а слева палаток было поменьше, и среди них высился шатер. Оттуда выехал навстречу им конник, и они свернули с дороги.

Конник приблизился, и Мерри увидел, что это женщина – длинные перевитые волосы ее блистали в сумерках, но она была в шлеме, одета в кольчугу, опоясана мечом.

– Привет тебе, властитель Мустангрима! – воскликнула она. – Всем сердцем радуюсь твоему возвращению.

– Нерадостный у тебя голос, Эовин, – молвил конунг. – Ты чем-то опечалена?

– Нет, все идет как должно, – отвечала она и вправду глухим голосом, словно перевоз-могая слезы; да едва ли, подумал Мерри, вон у нее какое суровое лицо. – Все как должно.

Конечно, людям тяжело было в одночасье собираться в дальний путь и покидать родные дома. Многие горько роптали – давно уж не звучал призыв на брань среди наших зеленых равнин, – но непокорства не было. Ополчение, как видишь, в сборе. И ночлег твой готов: я слышана о вашей победе и знала, когда тебя ждать.

– А, стало быть, Арагорн приехал! – воскликнул Эомер. – Он еще здесь?

– Нет, здесь его нету, – сказала Эовин, отвернувшись и глядя на сумрачные вершины, южные и восточные.

– А где же он? – спросил Эомер.

– Не знаю, – сказала она. – Он прискакал ночью и уехал вчера на рассвете, солнце еще не встало из-за гор. И где он теперь – не знаю.

– Ты горевала, дочь, – снова сказал Теоден. – О чем твоя печаль? Была ли, скажи, речь о *той* дороге? – И он указал на чернеющий путь между каменных вех к Двиморбергу. – Была ли речь о Стезе Мертвецов?

– Да, государь, – ответила Эовин. – Он ушел в смертную тьму, из которой нет возврата. Я не сумела его отговорить. И где он теперь – не знаю.

– Значит, пути наши разошлись, – сказал Эомер. – Он сгинул во тьме, и биться мы будем без него, обделенные надеждой.

Медленно, в безмолвии проехали они навстречу травянистому вересковому лугому и спешили возле шатра конунга. Все было для всех приготовлено, а о Мерри позаботились особо: для него разбили палатку возле огромного шатра. Там он и сидел один-одинешенек, и мимо него проходили люди – на совет к конунгу. Темнело все больше, западные вершины высились в звездных венцах, и непроглядная тьма застилала восток. Уже почти исчезли из виду каменные зубья, но за ними из ночной мглы проступала черная громада Двиморберга.

– Что еще за Стезя Мертвецов? – тихо разговаривал Мерри сам с собой. – Какая такая Стезя? Да, а вот я-то один остался не при деле из всего нашего Отряда. Всех судьба разбросала: Гэндальф с Пином отправились воевать на востоке, Сэм и Фродо – в Мордор, а Бродяжник, Леголас и Гимли уехали Стезей Мертвецов. Наверно, скоро выпадет и мой черед. Знать бы хоть, о чем они там совещаются, что надумал конунг. А то я ведь теперь с ним повязан – куда он, туда и я.

Невеселые мысли шли ему на ум, а вдобавок он еще вдруг ужасно проголодался и решил выйти поглядеть, неужто же он один здесь такой голодный. Но в это время грянула труба, и его, оруженосца конунга, вызвали прислуживать государю за столом.

В глубине шатра, за узорчатыми занавесями, были разостланы шкуры, и за низеньким столом сидели Теоден, Эомер и Эовин, а с ними Дунгир, правитель Укрывища. Мерри занял свое место позади конунга, но вскоре тот, очнувшись от глубокой задумчивости, с улыбкой обернулся к нему.

– Иди сюда, сударь мой Мериадок! – сказал он. – Негоже тебе стоять. Покуда мы пребываем в моих владениях, ты будешь сидеть возле меня и тешить мне сердце своими рассказами.

Хоббита усадили на скамью по левую руку от конунга, но до рассказов дело не дошло. Трапеза была молчаливая, слова роняли скупой; наконец Мерри собрался с духом и все-таки задал вопрос, вертевшийся у него на языке.

– Уже дважды, государь, слышал я о Стезе Мертвецов, – сказал он. – Что это за Стезя? И куда отправился этой Стезеею Бродяж... то есть Арагорн?

Конунг лишь вздохнул, и тщетно Мерри ждал ответа; потом Эомер сказал:

– Куда он отправился, нам, увы, неведомо. А Стезя Мертвецов... ты сам нынче ехал по ней. Нет, не ищи в моих словах зловещего смысла! Просто дорога наверх, с которой мы свернули, ведет через Димхолт к Запретным Вратам. А что за ними – никто не знает.

– Да, этого не знает никто, – подтвердил Теоден. – Лишь древние, полузабытые преданья хранят об этом неясную память. В нашем роду, в роду Эорла, отцы искони рассказывали их сыновьям, и если правдивы старинные были, то за Вратами под Двиморбергом лежит тайный путь в горные недра. Но к Вратам и подступиться никто не смеет с тех пор, как вошел в них Бальдор, сын Брего. Брего устроил празднество в честь воздвиженья Медусельда, и Бальдор, осушив лишний рог вина, сгоряча поклялся проникнуть в тайну Горы Призраков. Навеки пропал он с глаз людских, и остался без наследника высокий престол в златоверхом дворце.

Говорят в народе, что покойники Темных Веков крепко стерегут от живых проход к своим сокровенным чертогам, а бывает, они выходят наружу и призрачными тенями спускаются вниз по дороге. Тогда жители Укрывища в страхе запирают двери и завешивают окна. Но мертвецы появляются редко – лишь в тревожные и кровавые времена.

– Из Укрывища доносят, – тихо промолвила Эовин, – что недавно, в безлунную ночь, на гору взъезжало большое войско в диковинных доспехах. Откуда оно взялось, никто не знает: воины промчались меж каменных вех к Двиморбергу, словно их там заждались.

– Да Арагорн-то зачем туда поехал? – не унимался Мерри. – Неужели совсем уж неизвестно?

– Разве что тебе, его другу, от него самого известно что-нибудь, о чем не ведаем мы, – отозвался Эомер. – А если нет – никто из живых тебе ответа не даст.

– Вовсе не таким запомнила я его, когда впервые увидела во дворце, – сказала Эовин. – Он постарел и посуровел. И был точно одержимый: казалось, ему слышен замогильный зов.

– Может статься, и был слышен, – сказал Теоден, – сердце мое чует, что мы с ним больше не свидимся. И все же ему, прирожденному властителю, должно быть, уготован высокий жребий. Утешься, дочь, – я вижу, ты горько скорбишь о нашем госте, – утешься, ибо рассказывают, что, когда эорлинги явились с севера и поднялись к истокам Снеговой, примечая места для будущих крепостей, Брего и сын его Бальдор проехали за Укрывище сквозь Димхолт и достигли черных Врат. Возле них сидел древний-древний старец, высокий и царственный, безмолвный и недвижимый – точь-в-точь обветшалый истукан. Так и рассудили Брего с Бальдором и хотели было проехать мимо, но вдруг раздался голос будто из-под земли – старец, к их изумленью, молвил на всеобщем языке: *Путь закрыт*.

Они остановились, взглянули на старца и увидели, что он еще жив, но к ним он взора не обратил. *Путь закрыт*, – повторил голос. — *Он проложен теми, кто давно уже мертв, и мертвецы устерегут его, покуда не исполнятся сроки. Путь закрыт*.

А когда исполнятся сроки? — спросил Бальдор, но ответа не дождался: старец замертво рухнул ничком. И с тех пор мы больше ничего не проводали о призрачных стражах горных недр. Однако же, может статься, ныне сроки исполнились, и Арагорну путь откроется.

– Как узнать, не входя во Врата, откроется путь или нет? – сказал Эомер. – А я туда не пошел бы, даже если б стоял один против всех полчищ Мордора и больше некуда было податься. Что за напасть, какая одержимость одолела витязя из витязей в нынешний роковой час! Неужели мало кругом нечисти, что надо искать ее под землей? Война вот-вот грянет, а он...

Эомер смолк: снаружи послышался шум, кто-то выкликнул имя Теодена и стража его расспрашивала.

Вскоре начальник стражи отвел завесу шатра.

– Государь, – сказал он, – из Гондора прибыл посланец. Просит немедля допустить его к тебе.

– Пусть войдет! – велел Теоден.

Вошел высокий ратник, и Мерри едва не вскрикнул: на миг ему почудилось, будто перед ними вживе предстал Боромир. Приглядевшись, он увидел, что это, конечно же, незнакомец, но и вправду очень похожий на Боромира – рослый, статный, сероглазый. На нем был темно-зеленый плащ конника поверх мелкосетчатой кольчуги, с венца шлема мерцала серебряная звездочка. В руке он держал черноперую стрелу с зазубренным и обагранным стальным накопчиком.

Став на одно колено, он протянул стрелу конунгу.

– Привет тебе, властитель Мустангрима, исконный наш друг и верный соратник! – молвил он. – Я, Хиргон, посланец Денэтора, вручаю тебе это знамение войны. Великая беда грозит Гондору. Никогда прежде мустангримцы не отказывали нам в подмоге, но на сей раз Денэтор просит вас собрать все ваши силы и явиться как можно скорее – иначе Гондор падет!

– Багряная Стрела! – проговорил Теоден, принимая ее дрогнувшей рукой; весть была хоть и заведомая, но оттого не менее грозная. – На моем веку Багряной Стрелы в Ристанию ни разу не присылали! Неужто на нас вся надежда? А как мыслит Денэтор – велики ли наши силы и скоро ли мы сможем явиться?

– Про то тебе лучше знать, государь, – сказал Хиргон. – Но наверно, на днях Гондор будет окружен, и коли не хватит у тебя сил прорвать мощную осаду, то государь Денэтор велел сказать тебе, что лучше бы ристанийскому воинству стоять на стенах, чем лечь под стенами!

– Разве не знает он, что нам привычнее биться верхом в поле, и еще – что народ наш рассеян по горам, долам и равнинам и наших конников мигом не соберешь? Верно ли, Хиргон, что повелитель Минас-Тирита знает всегда больше, чем говорит? Ибо мы, как видишь, уже в сборе, весть твоя не застала нас врасплох. У нас побывал Гэндальф Серый, и мы изготовились ехать на восток, на великую битву.

– Ведает обо всем этом властодержец Денэтор или нет – мне знать не дано, – отвечал Хиргон. – Мой государь не шлет вам повелений, он просит вас во имя старой дружбы и во исполнение давних клятв, ради собственного спасения свершить все, что в ваших силах. Нам доносят, что многие восточные цари привели свои рати под начало Мордора. От северных краев до равнины Дагорлада разгорается пожар войны. Сюга идут хородримцы, все наше побережье настороже, и невелика будет нам подмога оттуда. Поспешите же! Ведь у стен Минас-Тирита решится общая судьба, и если там мы врага не сдержим, то черный потоп захлестнет цветущие равнины Ристании и даже здесь, в горах, никто не укроется.

– Мрачные известия, – сказал Теоден, – хотя новостями их не назовешь. Впрочем, скажи Денэтору, что, если бы Ристании и не грозила опасность, мы все равно пришли бы к нему на подмогу. Но битвы с предателем Саруманом были кровопролитны, а ведь надо еще позаботиться о северных и восточных границах – сам же говоришь, что война надвигается отовсюду. У Черного Властелина достанет войска и Минас-Тирит обложить, и обрушиться на нас с севера, перейти Андуин за Каменными Гигантами.

Чересчур осмотрительны мы все же не будем. И не промедлим. Наутро назначен смотр, после него сразу выступаем. Будь все иначе, я отправил бы наперехват врагу десять тысяч конных копыеносцев. Боюсь, придется послать меньше – нельзя же оставить крепости вовсе без охраны. Но шесть тысяч с лишком поедут за мной – скажи Денэтору, что нынче войско поведет в Гондор сам конунг, и будь что будет. Надо лишь, чтобы дальняя дорога не обессилила

людей и коней, поэтому с завтрашнего утра минет не меньше недели, прежде чем вы услышите с севера боевой клич сынов Эорла.

– Неделя! – воскликнул Хиргон. – Что ж, тебе виднее. Однако через семь дней вы, похоже, прискачете к разрушенным стенам – ну, хотя бы помешаете оркам и чернолицым пировать в Белой Крепости.

– На худой конец хоть пировать помешаем, – сказал Теоден. – Но будет: я приехал с поля брани, одолев долгий путь, и изрядно утомился. Оставайся в лагере на ночь. Утром увидишь ристанийское ополчение, и зрелище это тебя взбодрит, а отдых укрепит твои силы. Утро вечера мудренее: за ночь думы проясняются.

С этими словами конунг встал; за ним поднялись остальные.

– Ступайте отдыхать, – сказал он, – покойной вам ночи. И тебя, сударь мой Мериадок, на сегодня отпускаю. Зато поутру, чуть свет, будь готов явиться ко мне.

– Явлюсь по первому зову, – сказал Мерри, – и, если надо будет, готов ехать с тобою даже Стезей Мертвецов.

– Остерегайся зловещих слов! – покачал головой конунг. – Быть может, не одна дорога заслуживает этого имени. Но я тебя с собою в дорогу не звал. Доброй ночи!

– Нет уж, не останусь я здесь дожидаться их возвращения! – твердил себе Мерри. – Ни за что не останусь, ни за что! – И, повторяя это на разные лады, он наконец заснул в своей палатке.

Разбудил его дружинник, трясая за плечо.

– Проснись, проснись, господин хольбитла! – звал он, и Мерри вдруг очнулся от глубокого сна и сел на постели. «Темно-то еще как», – подумал он. И спросил:

– Что случилось?

– Конунг ждет тебя.

– Да ведь еще солнце не взошло, – удивился Мерри.

– Нет, господин хольбитла, не взошло и сегодня не взойдет. Такая напозла темь, будто солнце и вовсе погасло. Но встанет ли солнце, нет ли, а время идет своим ходом. Поторопись!

Наспех одевшись, Мерри выглянул из палатки. В потемках, в мутно-бурой мгле, все виделось черным и серым, нигде ни единой тени; царило мертвящее затишье. Сплошная хмарь затянула небеса, лишь далеко на западе чуть брезжило из-под низкого рваного края тучи, как бы сквозь крюковатые пальцы. Тяжко нависал слепой и темный небосвод, и меркли последние дальние отсветы.

Потом Мерри заметил, что кругом стоят серолицые люди, угрюмо или испуганно поглядывая вверх и вполголоса переговариваясь. Он сильно приуныл и пробрался к шатру конунга. Хиргон был уже там, рядом с ним стоял другой гонец, одетый так же и похожий на него, только пониже и плечистее. Когда Мерри вошел, он говорил конунгу:

– Из Мордора надвинулась она, государь. Вчера поползла, на закате. С Истфольдского всхолмья видел я, как она поднялась и потом нагоняла меня, застилая небо и угащая звезды. Весь край отсюда до Изгарных гор объят темнотой, и сумрак сгущается. Видно, война уже началась.

Настало молчанье, и наконец конунг вымолвил:

– Да, чему быть, того не миновать: значит, вот-вот она грянет, великая битва наших дней, и многое сгубит она безвозвратно. Что ж, теперь хоть нет нужды скрываться. Поскачем во весь опор напрямик по равнине. Смотр начинаем сейчас, опоздавших ждать не будем. Достанет ли припасов там у вас в Минас-Тирите? А то ведь быстро ехать можно лишь налегке, взяв самую малость воды и съестного.

– Припасов достанет с избытком, – отвечал Хиргон. – Берите как можно меньше и скачите как можно быстрее!

– Созывай герольдов, Эомер, – сказал Теоден. – Строиться к походу!

Эомер вышел; вскоре в Укрывище зазвучали трубы, и десятки других откликнулись снизу, но трубное пенье уже не казалось Мерри, как накануне, зычным и властным хором. Глухое и сиплое, зловещее завывание тонуло в душной мгле.

Конунг обратился к Мерри.

– Я еду на войну, сударь мой Мериадок, – сказал он. – Через час-другой отправляемся в путь. Ты свободен от моей службы, но приязни моей не теряешь. Оставайся здесь и, если угодно тебе, послужи царевне Эовин – она будет править вместо меня.

– Да как же так, государь, – запинаясь, произнес Мерри. – Я ведь принес клятву на мече! Нет, конунг Теоден, не свободен я от твоей службы. Да и друзья мои все поехали на битву, стыдно было бы мне здесь отсиживаться.

– Но мы поедем на больших, быстрых скакунах, – сказал Теоден. – Ты с таким не упрaviшься, одной отваги для этого мало.

– Тогда привяжите меня к седлу или как-нибудь там к стремени, – упорствовал Мерри. – Бежать-то уж больно далеко, но раз нельзя ехать, давайте я побегу – только вот ноги, наверно, собою и опоздаю недели на две.

– Чем так, я тебя лучше бы довез на Белогриве, – усмехнулся Теоден. – Ладно, езжай со мною в Эдорас, поглядишь на Медусельд – сперва мы туда отправимся. Да пока что и Стибба не оплошает: настоящая скачка начнется потом, на равнине.

Тут поднялась Эовин.

– Пойдем, Мериадок! – сказала она. – Пойдем, примеришь доспех, что я тебе подобрала. – Они вышли вместе. – Всего одна просьба была ко мне у Арагорна, – продолжала Эовин, когда они шли между шатрами, – он попросил снарядить тебя на битву. Надеюсь, ты останешься доволен, и уверена, что доспех тебе непременно пригодится.

Она подвела Мерри к одной из палаток для стражи конунга, и оружничий вынес оттуда маленький шлем, круглый щит и прочее снаряжение.

– Кольчуги по твоему росту не нашлось, – сказала Эовин, – и выковать на тебя панцирь уже не успеем; зато вот тебе плотная кожаная куртка, ремень и кинжал. Меч у тебя есть.

Мерри поклонился, и царевна подала ему щит чуть поменьше того, какой в свое время получил Гимли, с белым конем на зеленом поле.

– Облачайся в доспех, – сказала она, – и да сослужит он тебе добрую службу! Прощай же, Мериадок! Но быть может, мы с тобой еще встретимся.

В густеющем сумраке строилось ристанийское ополчение у восточной дороги. Тревога сжимала сердца, и многих терзал страх. Но крепки духом были ристанийцы и преданы своему государю: даже в Укрывище, где приютили женщин, детей и стариков из Эдораса, почти не было слышно ни рыданий, ни ропота. Грозную судьбу встречали молча, лицом к лицу.

Пролетели два часа, и вот уж Теоден сидел на своем белом коне; шерсть Белогрива серебрилась в потемках. Высок и величав был всадник, хотя из-под шишака его ниспадали на плечи седые пряди; и понурые ратники бодрились, взирая на своего бесстрашного и непреклонного вождя.

На широких лугах возле шумной реки стояли строй за строем без малого пятьдесят пять сотен конников в полном вооружении; и еще несколько сот воинов при запасных конях с легкой поклажей. Одинокó запела труба. Конунг поднял руку, и двинулась молчаливая рать Мустангрима. Впереди ехали двенадцать телохранителей конунга, прославленные витязи; за ними сам Теоден и Эомер одесную. Они распростились с Эовин наверху, в Укрывище, и горька была память прощания, но думы их устремлялись вперед. Затем ехали посланцы Гондора и Мерри на своем пони, а следом – еще двенадцать телохранителей. Ехали мимо длинного строя конников; суровы и недвижны были их лица. Уж почти миновали строй, как вдруг один из конников повернул голову и пристально поглядел на хоббита. «Совсем еще юноша, – подумал Мерри, встретив его взгляд, – невысокий, худощавый». Он уловил отсвет ясных серых глаз и вздрогнул, внезапно поняв, что в лице этом нет надежды, что его затеняет смерть.

Серая дорога вела вдоль берега Снеговой, бурлящей в камнях; мимо селений Ундерхерга и Обернана, где скорбные женские лица выглядывали из темных дверей; войско не провожали в путь ни рога, ни арфы, ни поющие голоса. Так начался великий поход на восток, о котором слагали песни многие поколения ристанийцев.

*Из темного Дунхерга в тусклое утро
Вывел сын Тенгела свою последнюю рать
И достиг Эдораса, но царственные чертоги,
Старинные, златоверхие, были застланы мглой.
Здесь, в обители предков, он распростился с народом,
Со своим свободным народом и с очагом своим.
Простился с высоким троном и с благословенным кровом,
Под которым он пировал в былые светлые дни.
И дальше поехал конунг, по пятам за ним гнался ужас,
Впереди ожидал рок. Но он присягал на верность,
Он принес нерушимую клятву, и он исполнил ее.
Теоден ехал дальше. Пять дней и ночей
Мчались зорлинги вперед восточным путем
Через Фольд и Фенмарк, через Фириэнвуд.
Шесть тысяч копыеносцев мчались через Санлендинг
К могучей твердыне Мундбург у горы Миндоллуин,
К столице Государей, из-за Моря приплывших,
Теперь осажденной врагами и окруженной огнем.
Судьба торопила их, и темнота поглотила,
Поглотила коней и конников, и стук уходящих копыт
Заглох в тишине: так нам поведали песни.*

Когда конунг приехал в Эдорас, Медусельд и правда был застлан мглой, хотя полдень едва наступил. Задержался он здесь ненадолго, и к войску его примкнули десятков шесть всадников, опоздавших на сбор. После короткой трапезы он велел готовиться в путь и ласково простился со своим оруженосцем. Но Мерри еще напоследок попробовал умолить его.

– Я ведь тебе объяснил: такой поход Стибба не осилит, – сказал Теоден. – И к тому же сам посуди, сударь мой Мериадок: пусть ты и при мече, и не по росту отважен, но что тебе делать в таком бою, какой нас ждет под стенами гондорской столицы?

– Мало ли, тут не угадаешь, – возразил Мерри. – И зачем тогда, государь, ты взял меня в оруженосцы – не затем разве, чтобы в битве я был рядом с тобою? И чем помянут меня в песнях, коли я буду все время оставаться неприкайным?

– Взял я тебя в оруженосцы, чтоб с тобой ничего не стряслось, – отвечал Теоден. – Чтоб ты был под рукой. А в походе ты будешь лишним бременем. Случись битва у моих ворот, может статься, в песнях и помянули бы твои подвиги; но до Мундбурга, где правит Денэтор, больше ста двух лиг. Это мое последнее слово.

Мерри поклонился и уныло побрел прочь, оглядывая ряды воинов. Все уже стояли наготове: потуже затягивали пояса, проверяли подпруги, ласкали коней; иные тревожно косились на почерневшее небо. Кто-то незаметно подошел к хоббиту и шепнул ему на ухо:

– У нас говорят: «Упорному и стена не препона», я это на себе проверил. – Мерри поднял глаза и увидел юношу, которого заметил поутру. – А ты, по лицу видно, хочешь ехать вслед за государем.

– Да, хочу, – подтвердил Мерри.

– Вот и поедешь со мной, – сказал конник. – Я посажу тебя впереди, укрою плащом – а там отъедем подальше, и еще стемнеет. Ты упорен – так будь же по-твоему. Ни с кем больше не говори, поехали!

– Очень, очень тебе благодарен! – пролепетал Мерри. – Благодарю тебя, господин... прости, не знаю твоего имени.

– Не знаешь? – тихо сказал конник. – Что ж, называй меня Дернхельмом.

Так и случилось, что, когда конунг выехал в поход, впереди ратника Дернхельма на большом сером скакуне Вихроноге сидел хоббит Мериадок, и коня он не тяготил, потому что Дернхельм был легкий седок, хотя сложен крепко и ловок на диво.

Они углублялись во тьму. Заночевали в зарослях ивняка, за двенадцать лиг к востоку от Эдораса, у слияния Снеговой и Онтавы. Потом ехали через Фольд и через Фенмарк, мимо больших дубрав по всхолмьям, осененным черной громадой Галифириэна на гондорский границе, а слева клубились болотные туманы над устьями Онтавы. Тут их настигли вести о войне на севере: одинокие, отчаянные беглецы рассказывали, что с востока вторглись полчища орков, что враги заполонили Ристанийскую степь.

– Вперед! Вперед! – приказал Эомер. – Сворачивать поздно, а онтавские болота защитят нас с фланга. Прибавим ходу. Вперед!

И конунг Теоден покинул Ристанию; войско его мчалось по извилистой нескончаемой дороге, и справа возникали вершины: Кэленхад, Мин-Риммон, Эрелас, Нардол. Но маяки на них не горели. Угрюмый край объяла страшная тишь; впереди сгущалась темнота, и надежда угасала в сердцах.

Глава IV

Нашествие на Гондор

Пина разбудил Гэндальф. Теплились зажженные свечи, окна застила тусклая муть, и было душно, как перед грозой, – вот-вот громыхнет.

– Сколько времени-то? – зевая, спросил Пин.

– Третий час, – отвечал Гэндальф. – Пора вставать, теперь твое дело служивое. Градоправитель вызывает тебя – верно, распорядиться хочет.

– И завтраком накормит?

– Нет! Вот твой завтрак, и до полудня больше ничего не жди. Кормить будут впроголодь, привыкай.

Пин уныло поглядел на ломоть хлеба и совсем уж какой-то маленький кусочек масла, на чашку с жидким молоком.

– И зачем ты меня сюда привез? – вздохнул он.

– Прекрасно знаешь зачем, – отрезал Гэндальф. – Чтоб ты больше ничего не натворил, а коли здесь тебе не нравится, не взыщи: сам виноват.

Пин прикусил язык.

И вот он уже шагнул рядом с Гэндальфом по длинному холодному залу к дверям Башенного чертога. Денэтор сидел так неподвижно, словно затаился в сером сумраке. «Ну, точь-в-точь старый паук, – подумал Пин, – похоже, он и не шелохнулся со вчерашнего». Гэндальфу был подан знак садиться, а Пин остался стоять – его даже взглядом не удостоили. Но вскоре он услышал обращенные к нему слова:

– Ну как, господин Перегрин, надеюсь, вчера ты успел порезвиться и оглядеться? Боюсь только, стол у нас нынче скудный, ты не к такому привык.

Пину показалось, будто, что ни скажи, что ни сделай, об этом немедленно узнает Градоправитель, для которого и мысли чужие тоже не тайна. И он промолчал.

– К чему же мне тебя приставить?

– Я думал, государь, об этом ты сам мне скажешь.

– Скажу, когда узнаю, на что ты годен, – обещал Денэтор. – И наверно, узнаю скорее, если ты будешь при мне. Служитель моих покоев отпросился в передовую дружину, и ты его покуда заменишь. Будешь мне прислуживать, будешь моим нарочным, будешь занимать меня беседой между делами войны и Совета. Ты петь умеешь?

– Умею, – сказал Пин. – Ну, то есть умею, судя по-нашему. Только ведь наши песенки не годятся для здешних высоких чертогов, и не идут они к нынешним временам, государь. У нас ведь что самое страшное? Ливень да буран. И поем-то мы обычно о чем-нибудь смешном, песни у нас застольные.

– А почему ж ты думаешь, что такие ваши песни не к месту и не ко времени? Разве нам, обуянным чудовищной Тенью, не отрадно услышать отзвуки веселья с дальней и светлой стороны? Недаром, стало быть, охраняли мы ваши, да и все другие края, не уповая ни на чью благодарность.

Пин очень огорчился. Вот только этого не хватало – распевай перед властителем Минастирита хоббитские куплеты, тем более смешные, в которых уж кто-кто, а он-то знал толк. Но покамест обошлось. Не было ему велено распевать куплеты. Денэтор обратился к Гэндальфу,

расспрашивал его про Мустангрим, про тамошние державные дела и про Эомера, племянника конунга. А Пин знай себе дивился: откуда это здешнему государю столько известно про дальние страны – сам-то небось давным-давно не бывал дальше границы.

Наконец Денэтор махнул Пину рукой – иди, мол, пока что не нужен.

– Ступай в оружейную, – сказал он. – И оденься, как подобает башенному стражу. Там все для тебя готово, вчера я распорядился.

И точно, все было готово: Пин облачился в причудливый черно-серебряный наряд. Ссыкали ему и кольчугу – наверно, из вороненой стали, а с виду вроде гагатовую; шлем с высоким венцом украшен был по бокам черными крылышками, а посередине – серебряной звездочкой. Поверх кольчуги полагалась черная накидка, на которой серебром было выткано Древо. Прежние его одежды свернули и унесли; серый лориэнский плащ, правда, оставили, однако носить его на службе не велели. И стал он теперь, на чужой взгляд, сущим Эрнил-и-Ферианнатом, невысоклицким князем, как его именовали гондорцы; и было ему очень не по себе. Да и сумрак нагнетал уныние.

Тянулся беспросветный день. От бессолнечного утра до вечера чадные потемки над Гондором еще отяготели, дышалось трудно, теснило грудь. Высоко в небесах ползла на запад огромная тяжкая туча: она пожирала свет, ее гнал ветер войны; а внизу стояло удушье, будто вся долина Андуина ожидала неистовой бури.

В одиннадцатом часу его наконец ненадолго отпустили; Пин вышел из башни и отправился поесть-попить, авось дадут, а заодно встряхнуться – не по нутру ему пришлось нудная дворцовая служба. В столовой он встретил Берегонда – тот как раз вернулся из-за пеленнорских рубежей, от сторожевых башен. Пин позвал его прогуляться к парапету: измаяли его каменные мешки и даже высокие своды цитадели давили нестерпимо. Они уселись рядом возле бойницы, глядевшей на восток, – той самой, где они угощались и беседовали накануне.

Был закатный час, но неоглядная пелена уже простерлась далеко на запад, и, лишь уходя за Море, солнце едва успело пронизать ее прощальными лучами; они-то, на радость Фродо, и озарили у развилки голову поверженного государя. Но на Пеленнорские пажити в тени Миндоллуина не пал ни единый отблеск; там застоялась бурая мгла.

Пину казалось, что сидел он здесь много-много лет назад, в какие-то полузабытые времена, когда был еще хоббитом, беспечным странником, которому все невзгоды нипочем. Нынче он стал маленьким воином, защитником белокаменного града от великой беды, в мрачном и чинном убранстве башенного стража.

В другое время и в другом месте Пин, может, и возгордился бы таким убранством, но сейчас он понимал, что дело его нешуточное, что в жизни его и смерти волен суровый властитель, а гибель висит над головой. Кольчуга обременяла его, шлем сдавливал виски. Накидку он снял и бросил на скамью. Усталыми глазами окинул он темневшие внизу поля, зевнул и горько вздохнул.

– Что, устал за день? – спросил Берегонд.

– Еще бы не устал, – сказал Пин, – с ног падаю от безделья. Час за часом околачивался у дверей своего господина, пока он принимал Гэндальфа, князя Имраила и прочих важных особ. А ведь я, знаешь ли, Берегонд, совсем не привык прислуживать за столом, щелкая зубами от голода. Хоббиты этому не обучены. Ты, конечно, скажешь, зато, мол, честь какая! Да проку-то что в этой чести? Да если на то пошло, что проку даже есть-пить в этих ползучих потемках! А тебе не темновато? Смотри, не воздух, а какое-то бурое месиво! И часто у вас ветер с востока нагоняет такие туманы?

– Да нет, – сказал Берегонд, – погода тут ни при чем. Это вражьи козни: не иначе как из недр Огненной горы валит этот гнусный чад – он и душу мутит, и рассудок туманит, а Врагу того и надо. Скорее бы Фарамир воротился! Только вот вернется ли он из-за Реки, из тамошней кромешной тьмы?

– Н-да, – сказал Пин. – Гэндальф тоже за него тревожится. Он, по-моему, сильно огорчился, что Фарамира нет в городе. Сам-то он, кстати, куда подевался? Ушел с совета еще до полуденной трапезы, хмурый-прехмурый: видно, ничего хорошего не ожидал.

Внезапно оба онемели на полуслове, беспомощно цепenea. Пин съежился, прижав ладони к ушам, Берегонд, который, говоря о Фарамире, стоял у бойницы, там и застыл, всматриваясь в темень глазами, полными ужаса. Пин знал этот надрывный вопль, он слышал его когда-то в Хоббитании, на Болотище; но здесь он звучал куда громче и яростнее, отравляя сердце безысходным отчаянием. Наконец Берегонд с усилием заговорил.

– Явились! – сказал он. – Наберись мужества и посмотри! Вон они, эти лютые твари.

Пин нехотя влез на скамью и глянул между зубцами. Покрытый мглой лежал Пеленнор, и едва угадывалась вдали Великая Река. А над землею, вполвысоты стен, кружили, точно жуткие ночные тени, пять подобий птиц, мерзкие, как стервятники, но больше всякого орла, и смерть витала с ними. Они проносились поблизости, почти на выстрел от стен, улетали к реке и возвращались.

– Черные Всадники! – проговорил Пин. – Черные Всадники в небесах! Погоди-ка, Берегонд! – вдруг воскликнул он. – Они же явно что-то высматривают! Гляди, как они кружат, потом кидаются вниз, и все вон там! А видишь, там по земле что-то движется? Маленькие темные фигурки... ну да, верховые – четверо или пятеро. Ой, опять! Гэндальф! Гэндальф, спаси нас!

Разнесся, нарастая, новый пронзительный вопль, и он отпрянул от стены, задыхаясь, как затравленный зверек. Но потом далеко внизу прерывисто, едва слышно запела труба, и звук ее стих на высокой протяжной ноте.

– Фарамир! Это Фарамир! Это его сигнал! – воскликнул Берегонд. – Вот смельчак! Но как же он доскачет до ворот, если эти летучие гады умеют не только пугать? Смотри ты, скажут, уже не так и далеко! Эх, лошади шарахнулись! Сбросили седоков... те поднялись... бегут! Нет, один еще в седле, возвращается к своим. Наверняка это он, Фарамир, – ему и люди, и кони покорны. Ах ты, гнусная тварь, налетела, кидается! Да на подмогу же, на подмогу! Чего они там? Фарамир!

Берегонд одним прыжком исчез во мраке. А Пин устыдился: что ж он тут корчится от страха, когда Берегонд без оглядки поспешил выручать вождя? Он снова заглянул в бойницу – и увидел, как вспыхнула на севере серебряно-белая звездочка, вспыхнула и покатилась на сумрачные поля. Да нет, не покатилась, она мчалась быстрее стрелы, разгораясь все ярче и нагоняя четверых воинов, бегущих к Вратам. Пину почудилось, будто ее бледный свет разгоняет вязкие тени, все ближе была она, и загудело в крепостных стенах эхо могучего возгласа.

– Гэндальф! – отозвался Пин. – Гэндальф! Когда уж надеяться не на что, он тут как тут! Вперед! Вперед, Белый Всадник! Гэндальф, Гэндальф! – кричал он во всю мочь, неведь зачем и кому, как зритель на скачках.

Но и кружащие черные тени заметили нового всадника, и одна из них ринулась к нему, а всадник, видимо, поднял руку – и полыхнула белая молния. Назгул с испуганным воем метнулся прочь; за ним свернули четыре остальных – и витками умчались на восток, скрывшись в нависшей туче; и Пеленнорские пажити, казалось, чуть-чуть посветлели.

Пин следил, как верховой и Белый Всадник съехались и ожидали пеших. Подоспели ратники из города, и вскоре толпу не стало видно со стены – наверно, зашли во Врата. Пин рассудил, что они немедля поднимутся в Башню, к наместнику, и скорее побежал встречать их у входа в цитадель. Там уже собралось много народу – из тех, кто наблюдал со стен погоню и нечаянное спасение.

Ждать пришлось недолго: с ближних улиц послышался многоголосый приветственный гул, возглашали имена Фарамира и Митрандира. Пин увидел факелы и двух всадников, продвигавшихся в окружение толпы: один был в белом, но потускнел, сияние его угасло или сокрылось; второй, темный, ехал опустив голову. Они спешили, препоручив конюхам Светозара и другого коня, и подошли к часовому у ворот: Гэндальф твердым шагом, серая хламида за плечами, с грозным отсветом в глазах; спутник его, в зеленом, медленно и немного пошатываясь, как смертельно усталый или раненый. Пин протеснился вперед, когда они подходили к фонарю под аркой, и, увидев бледное лицо Фарамира, затаил дыхание. Видно было, что он перенес смертный ужас и муку – перенес, преодолел и остался самим собой. Он задержался перемолвиться словом с часовым, спокойный и властный, а Пин глядел на него и думал, как он похож на своего брата Боромира, который Пину сразу же, еще в Раздоле, очень понравился и величавой осанкой, и ласковым обращением. Но Фарамир совсем иначе тронул его сердце – такого чувства он еще не испытывал. В нем было высокое благородство, напоминавшее Арагорна, ну, может, менее высокое, зато ближе и понятнее: властитель иного склада, других времен, он все же наследовал и древнюю мудрость, и древнюю скорбь. Недаром так любовно говорил о нем Берегонд. За таким хоть в огонь – и пойдут, и Пин пошел бы за ним даже в гибельную тень черных крыл.

– Фарамир! – звонко выкрикнул он. – Фарамир! – И Фарамир, расслышав странный голос среди общих кликов, обернулся, увидел его и замер от изумления.

– Откуда ты взялся? – проговорил он. – Невысоклик, в наряде башенного стража! Откуда?..

На это ответил, шагнув к ним, Гэндальф.

– Со своей родины, из невысоклицкого края, – сказал он. – А привез его я. Пошли, пошли: дел впереди много, речей тоже, а ты еле живой. Он пойдет с нами. Да ему и надо с нами – совсем я забыл, и он, видно, тоже: хорош гусь, давно уж должен бы стоять возле своего повелителя. Идем, Пин, не отставай!

И они пришли в отдаленный дворцовый покой. Там близ жаровни с угольями расставлены были сиденья, принесли вино. Пин как бы невидимкой оказался за спиною Денэтора и забыл о своей усталости, жадно ловя каждое слово.

Фарамир преломил белый хлеб, пригубил вино и сел по левую руку отца; справа, поодаль, сидел Гэндальф в высоком резном кресле и сначала едва ли не дремал. Потому что Фарамир сначала поведал о том, как исполнено поручение десятидневной давности: рассказывал, что творится в Итили, о передвиженьях войск Врага и его пособников, о придорожной битве, в которой истреблен был отряд хородримцев с громадным боевым зверем, – словом, вернулся с рубежа военачальник и, как водится, доносит государю про пограничные стычки, про заботы и тревоги, вчера еще насущные, а нынче ничтожные.

Затем Фарамир вдруг посмотрел на Пина.

– А теперь о делах диковинных, – сказал он. – Из северных сказаний к нам на юг явился не один лишь этот невысоклик.

Тут Гэндальф выпрямился, стиснув поручни кресла, но ни слова не промолвил и осадил взглядом Пина – в самую пору, тот едва не вскрикнул. Денэтор покосился на них и медленно кивнул – дескать, ему и так все понятно. Слушали молча, недвижно, и неторопливо рассказывал Фарамир, большей частью обращаясь к Гэндальфу и порою переводя глаза на Пина: припоминал, должно быть, тех двоих.

Фарамир рассказывал, как ему подвернулся Фродо со слугою, как те переночевали в Хеннет-Аннуне, и Пин заметил, что руки Гэндальфа дрожат, сжимая резные подлокотники. Руки были мучнисто-белые и очень дряхлые; Пин глядел на них и с ужасом понимал, что Гэндальф, сам Гэндальф не только встревожен, а прямо-таки испугался. Стояла затхлая духота. Фарамир закончил рассказ о проходах путников, которые решились идти к Кирит-Унголу; он смолк, покачал головой и вздохнул. Гэндальф вскочил на ноги.

– К Кирит-Унголу? Через Моргульскую долину? – повторил он. – Когда это было, когда? Когда ты с ними расстался? Сколько им ходу до этой гиблой долины?

– Расстался я с ними третьего дня утром, – отвечал Фарамир. – Идти им до Моргулдуина было пятнадцать лиг – это если напрямик на юг; а оттуда пять с лишком лиг на восток до проклятой башни. Раньше чем сегодня они дойти никак не могли, а может, и сейчас еще в пути. Я понял твои опасения: нет, не из-за них нахлынула темень. Она поползла вчера вечером и за ночь окутала всю Итилию. У Врага все давным-давно расчислено, и он начал наступление день в день, час в час; наши путники тут ни при чем.

Гэндальф мерил пол шагами.

– Позавчера утром, почти три дня назад! А где вы распрощались, далеко отсюда?

– Птичьего полета лиг двадцать пять, – отозвался Фарамир. – Но я не мог вернуться скорее. Еще ввечеру мы стояли дозором на Каир-Андрозе, это такой длинный речной островок, там у нас северная застава, а кони были на этом берегу, четыре коня. Когда надвинулась темень, я понял, что мешкать не след, взял с собою троих дружинников, а прочих послал укрепить отряд на осгилиатской переправе. Надеюсь, я верно распорядился? – Он посмотрел на отца.

– Верно ли? – воскликнул Денэтор, и глаза его засверкали. – Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Люди были у тебя под началом. Разве ты привык советоваться со мной? Держишься ты почтительно, однако поступаешь всегда по-своему, не спрашивая моего совета. Вот и сейчас стелил мягко, но я-то видел, что ты глаз не сводишь с Митрандира – мол, не проговорился ли о чем невзначай? Давно уж он прибрал тебя к рукам.

Сын мой, твой отец стар, но из ума еще не выжил. Я, как прежде, слышу и вижу все – и легко разгадываю твои недомолвки и умолчания. Мало что можно от меня утаить. Ах, был бы жив Боромир!

– Видно, ты недоволен мною, отец, – спокойно сказал Фарамир, – и мне жаль, что, не ведая, как бы ты рассудил, я должен был сам принять столь важное решение.

– А то бы решил иначе? – насмешливо спросил Денэтор. – Наверняка поступил бы так же, я тебя знаю. Ты взял за образец властителей древности и стараешься выглядеть, как они, – величественным и благородным, милостивым и великодушным. Что ж, так и подобает потомку высокого рода, доколе он правит с миром. Но в роковую годину за великодушие можно заплатить жизнью.

– Да будет так, – сказал Фарамир.

– Так и будет! – вскричал Денэтор. – И не только своей жизнью, любезный мой Фарамир: погибнет и твой отец, и твой народ, за который ты в ответе – теперь, когда нет Боромира.

– Ты хотел бы, – спросил Фарамир, – чтобы он был на моем месте?

– Конечно, хотел бы, – сказал Денэтор. – Боромир был предан мне, а не заезжему чародею. Уж он бы не забыл об отце, не отшвырнул бы подарок судьбы! Он принес бы мне этот великий дар.

– Прошу тебя, отец, – наконец не сдержался Фарамир, – прошу тебя, припомни, отчего в Итилии нынче вместо него оказался я. В свое время, и не так уж давно это было, решение принял ты: волею Градоправителя отправился в путь Боромир.

– Не подбавляй горечи в мою и без того горькую чашу, – сказал Денэтор. – Много бессонных ночей я вкушаю из нее отраву – и думаю: неужто осадок будет еще горше? Вот он и осадок. Что ж ты наделал! Ах, если бы *оно* досталось мне!

– Утешься! – сказал Гэндальф. – Не досталось бы *оно* тебе, Боромир не отдал бы его. Он умер смертью храбрых, мир его праху! Но ты обманываешься: он взял бы то, о чем ты говоришь, на погибель себе. Он стал бы *его* владельцем, и, если б вернулся, ты не узнал бы сына.

Твердо и холодно поглядел на него Денэтор.

– Должно быть, с тем было не так легко управиться? – тихо сказал он. – Я отец Боромира, и я ручаюсь, что он бы принес *его* мне. Ты, Митрандир, может, и мудр, но не перемудрил ли ты сам себя? Есть ведь иная мудрость, превыше чародейских ков и опрометчивых решений. И я сопричастен ей больше, нежели ты думаешь.

– В чем же твоя мудрость? – спросил Гэндальф.

– Хотя бы в том, что я вижу, чего делать нельзя. Нельзя *его* использовать – это опасно. Но в нынешний грозный час отдать *его* безмозглому невысокликлу и отправить в руки к Врагу, как сделал ты и следом за тобою мой младший сын, – это безумие.

– А как поступил бы наместник Денэтор?

– По-своему. Но ни за что не отправил бы его наудачу, безрассудно обрекая нас на злейшую гибель, если Враг вернет свое всемогущество. Нет, *его* надо было схоронить, упрятать в темной, потаенной глуби. И не трогать, сказал я, не трогать помимо крайней нужды. Чтоб Тот не мог до *него* добраться, не перебив нас всех – а тогда пусть торжествует над мертвецами.

– Ты, государь, как обычно, помышляешь об одном Гондоре, – сказал Гэндальф. – Есть ведь другие края и другие народы, да и времени твоя смерть не остановит. А мне... мне жаль даже его послушных рабов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.